

попаданец

Макс Мах

ГОСПОЖА
АДМИРАЛ

Попаданец (АСТ)

Макс Мах

Госпожа адмирал

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Госпожа адмирал / М. Мах — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-138352-7

Приключения авиатора Елизаветы фон дер Браге продолжаются. Сокровища Лемурии, параллельные реальности, в которые ей суждено попасть со своей новой подругой, сражения в Германских государствах, Североамериканских Соединенных Штатах и в республике Техас, а также любовь и война – будет все. Четвертая книга цикла «Авиатор», название которой говорит само за себя. Ведь адмирал – он и в Техасе адмирал, даже если командующий авианосной группой не мужчина, а женщина.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138352-7

© Мах М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть I	18
Глава 1	18
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Макс Мах
Госпожа адмирал
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Макс Мах, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

1. Время и место точно не определены

«Боже, какая благодать!»

Добравшись до каюты, Лиза первым делом освободилась от рваной, грязной и насквозь пропотевшей одежды. Разумеется, не обошлось без боли. Но боль нынче приходила к ней постоянно. И тогда, когда она совершала какое-нибудь непреднамеренно резкое движение, и тогда, когда нагибалась или просто хотела глубоко вздохнуть. Так что ничего нового, тем более неожиданного, не случилось. Рутинная, обыденность, почти привычка.

Раздевшись, Лиза хватанула четверть стакана коньяка в качестве универсального болеутоляющего и проверенного на опыте антидепрессанта и полезла под душ. Срезала маникюрными ножницами бинты, посмотрела на едва успевшую затянуться рану, удовлетворенно кивнула самой себе и пустила воду. Рана, что отрадно, не загноилась и заживала куда быстрее, чем можно было ожидать, – «Прямо как на собаке!» – но мыться, не совершая ровным счетом никаких движений, практически невозможно. Оставалось терпеть, стонать и материться, что Лиза и делала. А материлась она так, что хоть святых выноси. Хорошо еще, никто ее не слышал, а то мог бы случиться конфуз. Но Лизе повезло и в этом, она на какое-то время осталась одна, предоставленная самой себе. Мария пошла устраиваться в каюте Рощина, а сам полковник в апартаменты капитана Браге переселиться еще не успел. Так что ругайся как хочешь, все равно никто не услышит!

«Да, если и услышат, что с того?»

Оставалось гадать, как Лизе удалось продержаться «в тонусе» все предыдущие дни. Экспедиция-то получилась не из простых и включала среди прочих удовольствий самостоятельный альпинизм без снаряжения и со сломанными ребрами. Но это, если разобраться, как раз в стиле капитана Браге: сжав зубы, терпеть и, не жалуясь, идти вперед. Как там, в «Двух капитанах»? «Бороться и искать, найти и не сдаваться»¹ Ну, где-то так все и происходило. Плохо ли, хорошо, но Лиза ни разу не остановилась. Так и шла. Потому, наверное, и дошла.

«Мы шли, шли и, наконец, пришли!»

«Откуда это? – задумалась Лиза. – Или там было как-то иначе?»

Очевидно, это опять-таки была какая-то цитата, и, скорее всего, снова из памяти Лизы Берг, а не Елизаветы Браге. Но что за цитата, Лиза сейчас, хоть убей, вспомнить не могла. Да и неважно, на самом деле! Не до того!

Она вышла из-под душа, вытерлась, стараясь не тревожить покопанный бок, выпила еще четверть стакана коньяка и, наконец, забралась в постель. Вытянулась под легким шелковым одеялом, вдохнула едва уловимый запах фиалок и попросту растаяла от блаженства.

«Боже, какая благодать!»

Так бы и лежала, не двигаясь и ни о чем не думая, но жизнь есть жизнь, и долго наслаждаться покоем ей не позволили. Первым «заскочил пошущукаться» Райт.

– Вы уж извините, Лиза, что я так, без приглашения, – начал он, всем своим видом изображая смиренное раскаяние и немереное количество сожалений по всем без исключения поводам, – но я так понял, нам есть о чем пошущукаться, ведь так?

– Согласна, только недолго, – Лиза прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, что было непросто, балансируя на границе сна и бодрствования.

– Коротко, – сразу же согласился арматор, – конспективно. Кто такая Мария и с чем ее едят?

¹ Первоисточник – поэма «Улисс» английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892).

– Есть ее не надо, Иан. Да и небезопасно. Маша девушка резкая, может и в лоб дать. Но не даст, если, конечно, сам не нарвешься. – Глаза пришлось открыть, так как говорить «сквозь сон» оказалось не только неприлично, но и затруднительно. – Можешь ей доверять, Иан. Версия, что она из другого мира, сущая правда, но детали позже. Потерпи!

Разумеется, Лиза не собиралась посвящать Райта ни в какие подробности касательно мира почившего в бозе социализма. Она об этом и вовсе не хотела ни с кем разговаривать, ну, кроме Рощина, разумеется, который и так уже практически все знает, а о чем не знает, о том догадывается. Другое дело Райт. Ему все эти «тайны мадридского двора» знать ни к чему. Но что-то рассказать все-таки придется. Да и «навигацию в сложных условиях неопределенности» обсудить придется тоже. Впрочем, не сейчас, когда Лиза едва способна оставаться в сознании, а когда-нибудь позже.

«Потом! Все потом!»

– Принято, – кивнул Райт. – Каковы наши планы?

– Я отдохну пару дней, – Лиза решила, что пары дней ей должно хватить, учитывая снадобья Тюрдеева и прочие удобства и преимущества цивилизованной жизни. – Вы наверх уже сходили?

– Нет пока, – покачал головой Райт, «поймавший» вопрос, что называется, на лету. – Там все непросто, капитан. Попробовали пару раз, но не смогли. Впрочем, это отдельный разговор. Так что нет, не были. Да и не до того было, если честно. Вас искали, ну заодно и стены кратера обследовали. Между прочим, много интересного нашли, но это я вам тоже как-нибудь потом, Лиза, в лицах и со всеми подробностями...

– Договорились. – Спать расхотелось, но и вылезать из постели Лиза не собиралась. Болеть так болеть!

«Может быть, еще удастся вздремнуть...»

– Значит, наши планы таковы, – сказала она, снова закрывая глаза. – Сходим наверх, посмотрим, что там да как, и домой. А пока суд да дело... Мы там, Иан, внизу сокровища нашли... несметные... – Лиза приподняла веки и посмотрела на Райта сквозь завесу ресниц. Рощин покажет. Там много всего и... всякого... Не меньше чем в Яруба.

– То есть мы снова богаты?

– Вроде того!

Райт разговором остался доволен и ушел после завершающего обмена репликами так быстро, словно его тут и не было. Как какой-нибудь, прости господи, Чеширский кот. Был и не стало, одно воспоминание.

«Разумный человек... и тактичный. Теперь можно и вздремнуть».

Однако поспать уже не получилось. Вслед за Райтом проводить командира пришли лучшие представители «Дамского клуба»: госпожа первый трюмный инженер Рейчел Вайнштейн и «дочь Оцеолы» – навигатор Анфиса Варзугина. Обе были «в смятении чувств» и, как ни странно, учитывая почти военную дисциплину, царившую теперь на борту крейсера, под градусом. Поэтому полезли целоваться и обниматься, хотя вроде бы успели уже обменяться нежностями, едва Лиза поднялась на борт. Ну, а где резкие движения, там и боль.

– Ох, ты ж! – выдохнула Лиза после особенно крепких объятий русской американки индейского происхождения. – Ты что творишь, Варза! У меня же ребра, на хрен, сломаны!

В ответ на отповедь последовали слезы раскаяния и пьяные объяснения в любви. Причем сразу от обеих.

– Не подумай плохого, – вытирала сопли Рейчел, я не в прямом смысле... В смысле, я, вообще-то, предпочитаю мужчин и пенсильванский темный лагерь...

В следующие пять минут госпожа первый трюмный инженер пыталась распутать завязавшиеся морским узлом мысли, но ничуть в этом не преуспела. Варза, впрочем, тоже. Обе были в стельку пьяные и лыка толком не вязали.

– Девки, а вы что пили? – насторожилась Лиза, которой раньше уже приходилось видеть подруг пьяными, но никогда настолько.

Выяснилось, что пили они «трюмный самогон», который гнали умельцы из машинного отделения. Притом употребили девяностоградусный алкоголь впопыхах, чтобы пережить немереное счастье от возвращения Лизы с того света, на голодный желудок и в быстром темпе. Развезло их от такой неосмотрительности изрядно, а Лизе сейчас до полного счастья не хватало только выяснения отношений – в стиле «ты меня уважаешь?» – с двумя близкими, но сильно пьяными подругами. На счастье, вскоре в каюту своей теперь уже практически официальной любовницы пришел Рошин.

Поставил на пол чемодан и кожаный баул со своими вещами, выпроводил отправив протрезвляться, – «госпожей офицеров» и, вежливо спросив у Лизы разрешения «воспользоваться удобствами», отправился в душ смыть грязь. Пока он мылся, прибежала запыхавшаяся Мария, только сейчас сообразившая, что для начала у нее нет с собой ни белья, ни самых простых предметов гигиены, без которых не может обойтись «ни одна порядочная женщина». Лиза встать по такому случаю не стала. Объяснила «лотарингской крестьянке», где что лежит, дождалась результатов, включавших в себя сетования на неразвитость в здешнем мире легкой и парфюмерной промышленности, и хотела было задремать, но тут с визитом явился доктор Аллен.

– У вас сломаны ребра, я не ошибся? – сказал он строго, не столько спрашивая Лизу, сколько утверждая видимый невооруженным глазом факт членовредительства. – Могу я вас осмотреть, капитан?

– Вы доктор, вам виднее, – ответила Лиза, выныривая из нирваны, в которую совсем уже собралась погрузиться с головой. Вы ведь все равно не отвяжетесь, Дейв. Так что – вперед!

– Извините за вопрос, капитан, – Дейв Аллен оторвался на мгновение от Лизиного бока и коротко взглянул ей прямо в глаза, – но где вы умудрились получить огнестрельное ранение? Что ж, вопрос по существу.

– Имело место досадное недоразумение, – объяснила Лиза, – между мной и дамой, которая поднялась с нами на борт.

– Она в вас стреляла?

– Мы обе стреляли, и обе – не туда куда следует.

– Значит, недоразумение?

– Недоразумение, – подтвердила Лиза. – И хотела бы вам напомнить, Дейв, что капитан здесь я, и это я на борту «Звезды Севера» царь, бог и воинский начальник. Вы меня понимаете, доктор?

– Вполне, – кивнул доктор Аллен и отвел взгляд. – Рана практически затянулась, *капитан!* Впервые вижу такое быстрое заживление.

И опять Лизе почудилось, что интонация доктора Аллена подразумевает много больше, чем заключено в значениях произнесенных им слов.

– А такие шрамы, как у меня, видеть приходилось? – спросила она с внезапно нахлынувшим раздражением.

– Нет, пожалуй, – покачал головой мужчина, – но я понял, к чему вы клоните, чиф. Возможно, вы правы. Я читал кое-что о людях с необычайно эффективной регенерацией тканей.

– Меня обследовали лучшие специалисты Себерской военно-медицинской академии, – Лизе не понравился смысл сказанных Дейвом Алленом слов. Вернее, ее насторожил угадываемый за ними подтекст. – Они пришли к такому же выводу, доктор. У меня природная способность к быстрой регенерации тканей. Еще они что-то говорили об ускоренном метаболизме и врожденном иммунитете, но я их не поняла.

В конце концов, доктор Аллен ушел, унося с собой свои недоумения и недоговорки, и в спальне снова объявился Рошин. Он совершил ту же ошибку, что и Мария: отправился при-

нимать душ, не озаботившись прежде приготовить хотя бы комплект нижнего белья, не говоря уже о прочем. Поэтому ему и пришлось прятаться в душевой, пока Лиза не останется в каюте одна. Перед ней он мог появиться и в чем мать родила, по известному принципу «плавали, знаем», и да, он был чертовски хорош. Высокий, мускулистый, атлетического сложения...

– Извини, Вадик, – сказала Лиза с неприкрытым сожалением в голосе, – но отдаться тебе я сегодня не смогу... никак... Ни так, ни эдак. Ребра болят!

* * *

Следующие три дня Лиза оставалась в постели. Вставала только для того, чтобы поесть или сходить в уборную. Иногда, правда, шла на компромисс: садилась, опершись на подушки. Тогда можно было выпить чего-нибудь крепкого или горячего и выкурить папиросу. Кок ее баловал, готовил специально для Лизы всякие полезные и необременительные в ее состоянии вкусы и присылал со стюардом красное тосканское вино – первейшее средство, по утверждению мэтра Тосканини, при значительных кровопотерях. Заходили – проведать – подруги и просто симпатизирующие Лизе все, как один, офицеры брига. И это не считая того, что с ней целыми днями «чесала языками» Мария. Женщина она была умная, с большим жизненным опытом и к тому же образованная, но и Лизе было что рассказать новой подруге. Рошин же большую часть времени бывал занят и приходил только спать. Впрочем, даже ночью толку от него было немного, вернее, не от него, а от нее. Превращать блуд в издевательство над организмом Лиза не хотела и, значит, «соответствовать» не могла. Хотя, видит бог, очень этого хотела. Но хотеть не всегда означает мочь!

Между тем «Звезда Севера» опустилась ниже линии «водяной взвеси», зависла над местом давней трагедии и высадила десант. Наземные команды Анны Монтенелли и Кумуша Сатчи под общим руководством Рошина и при поддержке легких машин – винтокрылов и вертолетов – прошли за три дня вдоль дороги яруба, собирая сокровища разгромленного каравана. А караван, следует заметить, оказался действительно большим и богатым. На борту крейсера было поднято сорок семь килограммов драгоценных камней, в том числе и огромных – от пятисот до тысячи карат весом – алмазов, сапфиров и изумрудов, крупных рубинов и каких-то неопознанных, но очень красивых и твердых, как алмаз, темно-синих камней. И все это не считая десятков килограммов аметистов, бериллов и топазов. Ювелирные украшения из золота и серебра, холодное оружие – колющее и рубящее, предметы роскоши, типа бронзовых зеркал, костяных гребней и заколок для волос, броши и пуговицы из опалов, яшмы и других самоцветов, замысловатая расписная керамика, резная кость и два десятка огромных бивней, наверняка принадлежавших каким-нибудь ископаемым мастодонтам. В общем, как Лиза и обещала, настоящее сокровище.

Завершив сбор ценностей, принадлежавших по-прежнему неизвестной, но явно человеческой цивилизации, «Звезда Севера» прошла над дорогой, что называется, от края и до края. Указательных знаков яруба, – а их обнаружилось целых восемь штук, – решили не трогать. На самом деле на этом настояла Лиза, имея в виду возможное возвращение в кальдеру тех, кто снаряжал караваны, подобные тому, который, по всей видимости, разгромили драконы. Но «торговый тракт» разведали основательно, проследив от того места, где Лиза со товарищи поднялась выше линии «туманов», до противоположного конца, где обнаружилась не менее впечатляющая система подъема по вертикальной стене кратера. Лестницы, вырубленные в скале или сколоченные из твердой черной древесины, блочные подъемники, подвесные мосты и узкие каменные тропы, полки и карнизы на голой скале, расселины и проходы сквозь цепи пещер. Однако в туннели, которые предположительно вели в другие миры, соваться не стали. Не все сразу, как говорится. Зато вволю поохотились, благо живности в местных лесах оказалось более чем достаточно. Так что коллекция драконьих зубов и когтей, не говоря уже о

шкурах и клыках больших саблезубых кошек, получилась впечатляющая. Ну а свежая оленина и мясо кабанов в значительной мере разнообразили стол членов экипажа.

Лиза во время этих исследований, чередовавшихся с «активным отдыхом» и продлившихся четыре дня, уже проводила большую часть светлого времени суток в командирском кресле в рубке или стоя на открытом мостике. Ребра все еще болели, но уже не постоянно и не так сильно, как раньше. Стали возможны осторожные наклоны и другие не слишком резкие движения, хотя раздвигать ноги под Рощиным – или на нем – Лиза пока не рисковала. Даст бог, будет еще и время, и возможность. Однако, чем больше времени проходило с того момента, как она снова поднялась на борт «Звезды Севера», тем сильнее занимал Лизу вопрос, как она вообще дошла до стены и поднялась «в заоблачную высь»? По идее, новокаиновая блокада и плотная повязка могли объяснить то, как она продержалась первый день в той потусторонней Латвии, куда они с Марией и Рощиным сбежали на вертолете. На второй день, до перехода в кальдеру, Маша сделала ей еще пару уколов какого-то сильного анестетика, но все остальное время у Лизы под рукой не было никаких лекарств. Тем не менее дошла, проделав отнюдь не легкую дорогу по пересеченной местности, и это наводило на определенные мысли относительно новых и необычных возможностей ее организма. Заживление, к слову, тоже происходило в темпе «престо», то есть быстро или, вернее, очень быстро.

2. Время и место точно не определены

– Странный эффект, но здесь все не как у людей!

Все те дни, что Лиза путешествовала по «затерянному миру», и позже, когда она приходила в себя, вернувшись на борт «Звезды Севера», бригам командовали Райт и первый помощник Джейкобс, но в пилотажной группе «старшей по званию» все это время оставалась Надин Греар. Ей первой и предоставили слово.

– Мы попросту не добираем метров двести высоты!

– То есть, – уточнила Лиза, – ты хочешь сказать, что это не ошибка в калибровке приборов?

– Так точно, кэп! – невесело усмехнулась пилот. – Бриг ведет себя именно так, как и должен на высоте три километра четыреста метров. Мы добираемся до своего фактического потолка, притом, что все еще не дотягиваем до края кальдеры. Двести метров, что по приборам, что на глаз.

– Я физику давно учила, – пожала плечами Лиза, – но, кажется, это явление нарушает сразу несколько законов природы. Что скажешь, Рейчел?

– Ну, – наморщила лоб госпожа первый трюмный инженер, – я, вообще-то, не физик, а инженер...

– Оговорки приняты, – остановила ее Лиза, – переходи к сути!

– Я вижу только одно объяснение, не нарушающее физических законов. Для этого дно кратера должно находиться выше уровня моря. Ну, то есть выше уровня условного местного моря.

– То есть мы внутри горы?

– Это могло бы объяснить большинство возникающих эффектов. Кроме давления, разумеется. Разве что у них тут и вообще атмосфера тяжелее...

– И гравитация выше, – добавил свои пять копеек Райт.

– Значит, высокая гора, – задумалась Лиза, проигнорировав, как не поддающиеся немедленной проверке, гипотезы, касающиеся атмосферного давления и гравитации. – Что-нибудь вроде Цугшпитце...

– Цугшпитце ниже трех километров, – вмешалась Варза. – Скорее, эта штука должна быть выше вулкана Тейде на Тенерифе. И это бы заодно объяснило, куда девается вода, падающая вниз. Все эти водопады, ну ты понимаешь!

– А откуда тогда берется вода в водопадах? – возразила Лиза.

– Да, это вопрос, – вздохнул старший помощник Джейкобс. – Один из.

– Это не вопрос, а головная боль, – отмахнулся Райт. – Нам-то что с того? Что так, что эдак, а взлететь выше мы все равно не можем. Вот что важно. Остальное – ерунда!

– Но посмотреть-то хочется! – закончила его не слишком сложную мысль Рейчел Вайнштейн.

– Значит, остается один вариант – мой «Кокорев», – подвела черту Лиза. – У него потолок пять километров.

– Кого пошлем? – пыхнул трубкой Райт, по-видимому, и сам уже додумавшийся до этого.

– Меня пошлем! – довольно резко остановила готовую вспыхнуть дискуссию Лиза. – Лечу я, вторым номером пилот Аллен. Вылетаем завтра с утра. Стартуем с высоты две тысячи восемьсот.

– Со сломанными ребрами? – естественно, этот вопрос задал Рошин, которому Лизина резкость нипочем. Нигде и никогда.

Впрочем, это не походило на мелочную заботу Паганеля. Скорее, это напоминало «разумный подход к делу грамотного командира». Где-то так. И про ее ребра Рошин, как ни крути, знал куда больше, чем корабельный лекарь. Любиться с ним Лиза по-прежнему отказывалась, ссылаясь на сильные боли в боку, и, что характерно, отнюдь не лукавила, о чем полковник знал доподлинно. Потому и спросил.

– Мне уже лучше, – кисло улыбнулась Лиза.

– Ты командир... – пожал плечами Рошин.

– Вот именно! – препираться на тему своего здоровья Лиза не собиралась, тем более что через день-два ей все равно предстояло вести крейсер через тоннель к «Стоянке Лимана». Сможет одно, получится и другое!

– Завтра утром, – повторила она, завершая обсуждение, – и да поможет нам Бог!

Уйти из кальдеры, так и не заглянув через край, было бы обидно. Во всяком случае, Лиза бы точно расстроилась.

* * *

Взлетели, едва рассвело. «Звезда Севера» отошла к восточной стене кратера и поднялась на высоту две тысячи восемьсот метров. Здесь бриг развернулся и пошел, набирая скорость, на запад, так что где-то на полпути, то есть ближе к условному центру кальдеры, его скорость достигла шестидесяти пяти узлов. В этот момент Лиза вывела коч на стартовую линию, и башня дала отмашку на «взлет». При отсутствии встречного ветра «Кокорев» легко оторвался от взлетной палубы, и, заложив левый разворот, Лиза резко увеличила скорость и вошла в горку кабрированием под углом в тридцать пять градусов. При этом набор высоты сопровождался увеличением отбираемой мощности двигателя, так что, несмотря на довольно быстрый подъем, коч скорости не терял, а напротив – ее увеличивал.

Ощущения были феерические, и Лиза от восторга даже думать забыла о боли в боку или еще о каких-нибудь не стоящих внимания пустяках. Она летела, оседлав ураган, и по сравнению с этим пилотирование больших кораблей представлялось скучной ходьбой пешком. Лиза даже не знала, насколько ей не хватало вот таких полетов, но сейчас вспомнила и получала удовольствие от каждого мгновения, проведенного за штурвалом «дареного коня». Получалось, что группа патристически настроенных себерских предпринимателей разобралась в психологии капитана 1-го ранга Браге куда лучше, чем она понимала саму себя. Подарок был подобран с умом и со вкусом, и, разумеется, он идеально подходил той, кому его презентовали.

Заложив плавный разворот и почти встав на левую плоскость, штурмовик стремительно преодолел оставшееся расстояние и взлетел над краем кальдеры. Пронесся километр или пол-

тора, по-прежнему набирая высоту, и, поднявшись еще метров на четыреста, открыл перед Лизой совершенно фантастический пейзаж. Получалось, что кальдера являлась не кратером, подразумевавшим наличие хотя бы некоторого подобия горы, а провалом посередине мертвой пустыни – плоского унылого пространства, протянувшегося от горизонта до горизонта. Ну, что ж, на самом деле, интуитивно Лиза чего-то в этом роде и ожидала и, увидев сейчас воочию, даже не удивилась. Однако, как известно, первое впечатление зачастую обманчиво, поэтому Лиза подняла «Кокорев» еще выше и погнала машину по кругу радиусом в полтора десятка километров. С тысячи семисот метров, отсчитывая от края кальдеры, вид открывался на десятки километров во все стороны. Воздух был на удивление чист, скорее даже прозрачен. Видимость – отличная, и никаких преград в виде, скажем, горной гряды или пылевого облака. Смотри куда хочешь, лети куда вздумается. Но куда бы ни бросила она взгляд, повсюду Лиза видела одно и то же: мертвая изжелта-серая безводная пустыня без намека на жизнь и цивилизацию.

– Что скажешь, Турдус? – спросила, включив внутреннюю связь. – Это только мне кажется, что мы в пустыне?

– Мы в пустыне, – коротко ответила Нина.

– Посмотри в оптику!

В задней части кокпита, там, где располагалось кресло второго номера, были установлены бомбардирский и пушечный прицелы. Серьезная оптика с приличной кратностью и баллистической прицельной сеткой.

– Посмотрела! – ответила пилот Аллен. – Вокруг пустыня, внизу – развалины.

– Развалины? – насторожилась Лиза, вспомнив свой «вещий» сон. – Где? Далеко? Давай-ка, Дрозд, наводи! Хочу посмотреть!

– Слушаюсь и повинуюсь! – откликнулась Нина. – Может быть, дашь порулить?

– Может быть...

Вообще-то передавать управление совсем не хотелось, но это было правильное решение, и Лиза задавила свою жадность на корню.

– Принимай!

В результате уже через пару минут коч спустился к земле, снизил скорость и перешел на бреющий полет.

– Смотри вниз!

– Спасибо!

Ну, что сказать? Лиза этот пейзаж однажды уже видела. Правда, не сверху, как сейчас, а как бы снизу и не наяву, а во сне, но сухое русло реки, руины крепости и каменный мост – все оказалось именно таким, каким тогда ей и приснилось.

3. Координаты: 25°86'15"N 73°25'31"E, Индийский океан, одиннадцатое марта 1933 года, 17:49 по меридиональному времени

На этот раз она пришла к Райту сама. Постучала в дверь, дождалась приглашения и вошла в каюту.

– Гостей принимаешь?

– Таких, как ты, даже ночью и в праздники! – хохотнул арматор, вставая из-за заваленного бумагами стола.

– Ты бы поостерегся, Иан, говорить про ночь! – усмехнулась в ответ Лиза, проходя в глубину каюты и садясь в кресло. – Не ровен час Рошин услышит, хлопот не оберешься!

– Да, это ты верно заметила! Главное, ведь не за что, но пойді ему потом объясни!

– Вот именно! – кивнула Лиза и достала свой кожаный портсигар. – Твою каюту ведь никто не прослушивает?

– Стенки стальные, не считая обшивки. И по моим наблюдениям, звук не пропускают. – Райт вопросу не удивился и, сев в кресло напротив Лизы, включился в серьезный разговор. В иллюминаторы тоже не подслушаешь. Закрыты, да и вряд ли кто осмелится спускаться к моим окнам на ходу. Так что можем говорить без опаски.

– Тогда объяснимся!

– Возражений не имею, – кивнул Райт и внимательно посмотрел на Лизу, приглашая быть первой.

Что ж, он был в своем праве, она сама пришла.

– Я чувствую пространство, – сказала Лиза, выдохнув дым первой затяжки. – Но это ты и сам, наверное, знаешь. Ощущаю расстояния, относительные углы, скорость, векторы движения, моменты силы, баланс... Чувствую еще какую-то хрень, хотя и не знаю, что именно, но оно там есть!

С Райтом следовало объясниться, хотя и всей правды говорить не стоило. Во всяком случае, пока. Однако и оставлять все эти вопросы не проясненными нельзя было тоже.

– Когда мы шли в кальдери, – пыхнула она папирасой, – я воспринимала тоннель как он есть. Считаю, видела в разрезе. И там в кратере... Не знаю даже, как тебе объяснить, что с нами тогда случилось, но все это точно из одной и той же оперы. Вот вроде бы нет ничего, а потом сразу есть. Не знаю даже, что сделала не так, хотя, возможно, это только там, в этой кальдере, могло случиться? Повторюсь, не знаю. Но представь! Мгновение, – что-то сдвинулось, – и мы с Рошиным обнимаемся уже не в каюте, а на берегу этого гребаного озера. Ну, ты видел, там, внизу! Похоже, это тоже как-то связано с чувством пространства, расстояний, ориентации. А что чувствуешь ты?

– Давление и магнитные поля, – усмехнулся арматор. – Такой, знаешь, долбаный барометр, совмещенный с компасом. Но, к сожалению, не всегда, в смысле не постоянно и не везде. Надо настраиваться... Мне мантры помогают, главное, чтобы не понимать смысл произносимых слов. Бормочу, настраиваюсь и начинаю видеть. Особенно хорошо получается в таких местах, как Гиперборея или Лемурия. Не знаю, почему, но там мой штурманский дар стабилен, а в других местах – нет. Однако все это, как ты понимаешь, строго между нами. Твои секреты твои, мои – мои, и третий в этом деле, как и в любви, лишний.

– Совершенно с тобой согласна, – Лиза загасила окурок в пепельнице и встала из кресла. – Но ведь слухи все равно пойдут.

– Без слухов, сплетен и легенд не обходился еще ни один удачливый искатель сокровищ, – пожал плечами Райт и тоже встал. – Ты не представляешь, какие гадости обо мне рассказывают! Пират, убивец, продал душу дьяволу...

– А что, не продал? – «удивленно» подняла бровь Лиза.

– Да как тебе сказать...

– А ты и не говори, – усмехнулась Лиза. – Только цену шепни, чтобы, значит, не прогадать, если вдруг и мне предложат.

– А что, еще не предлагали?

– Да нет вроде... – слукавила Лиза, вспомнив Ивана и группу патриотически настроенных предпринимателей.

– Ну так предложат! – успокоил ее Райт. – И кстати учти, доктор Аллен, вполне возможно, не только доктор!

– А Нина? – нечто в этом роде Лиза и сама подозревала, но одно дело доктор и совсем другое – его жена.

– Нина, скорее всего, просто авантюристка, как и все мы, впрочем. Но вот ее благоверный... Нисколько не удивлюсь, если выяснится, что он работает на агентство Пинкертон или на Федеральный разведывательный пул.

– Так может... – осторожно намекнула Лиза на возможность кардинального решения проблемы.

– А смысл? – возразил Райт. – Свернем ему башку, только подтвердим их подозрения, если у этих ребят уже есть подозрения. А так... Что он, собственно, знает? В рубке он не был ни в первый раз, ни во второй. Как ты оказалась внизу – не знает. Я тут, к слову, пустил слух, что мы все это специально устроили, чтобы вы с Роциным, значит, нашли клад без свидетелей, но не рассчитали всех рисков. Звучит, к слову, логично, особенно, если позже где-нибудь на аукционе в Антверпене или Венеции всплывут несколько особенно любопытных, но незарегистрированных в декларации камешков.

– А они всплывут?

– Обязательно! – довольно улыбнулся арматор. – Я, Лиза, специально для этой цели прихерил парочку гарнитуров с изумрудами и рубинами, каких нет и в коллекции курфюрста Саксонии!

4. Координаты: 13°1'21"N 52°8'28"E, Аравийское море, в ста километрах северо-западнее острова Сукотра, девятнадцатое марта 1933 года, 15:35 по меридиональному времени

«Звезда Севера» шла экономическим ходом в тридцать два узла на высоте в тысячу триста метров. Она следовала курсом норд-вест-тень-вест, что предполагало, учитывая встречный ветер и другие метеорологические факторы, а также необходимость пополнить запас пресной воды в Суэце или в Эль-Манзале, прибытие в Роттердам не позднее чем через восемьдесят пять часов. Политическая обстановка на Ближнем Востоке и в акватории Средиземного моря, как и прогноз погоды, передаваемый из Саны, Иерусалима и Каира, не предвещала никаких осложнений, и Лиза не видела необходимости слишком часто и слишком надолго появляться в ходовой рубке. Попросту говоря, ей там нечего было делать. Если только не считать делом отвлечение занятых работой людей от выполнения своих прямых обязанностей. Поэтому, предоставив право «рулить младшим по званию», Лиза засела в своей каюте и предавалась праздным размышлениям. Впрочем, как посмотреть! Под определенным углом зрения ее мысли уже не казались ни праздными, ни избыточными. В конце концов, когда-нибудь ей все равно предстояло принять ряд непростых решений, и не было причин растягивать это удовольствие на лишние часы и дни.

«Вот ведь паскудство! – думала она, глядя сквозь панорамное окно на залитое солнечным светом море. – Радоваться надо, а у меня сердце болит!»

Но и то сказать, не каждому выпадает случай принимать такие решения, какое предстояло принять Лизе. Не каждому, не часто или вовсе никогда.

С километровой высоты море казалось монолитом полированного темно-синего стекла. Красиво и жестоко. И холодно, разумеется, даже под жарким солнцем Аравии.

«А, между прочим, – подумала Лиза, обводя взглядом пустынный горизонт, – это море омывает берега, заселенные людьми, для которых женщина не человек, а всего лишь товар. В лучшем случае предмет роскоши, как ловчий сокол или иноходец какой-нибудь!»

Имелось в виду, что этим женщинам, которых никто и ни о чем никогда не спрашивает, не приходится мучиться над всякими разными гамлетовскими вопросами и принимать сложные решения тоже не надо.

«Им можно просто жить...» – несколько непоследовательно подумала она, напрочь забыв сейчас о том, что сама-то Лиза такой жизни и врагу не пожелает.

«Впрочем, врагу как раз и пожелаю!»

Лиза положила перед собой оба документа, которые несколькими часами раньше вручил ей Иан Райт, и внимательно слово за словом, строка за строкой – перечитала один за другим. Ничего нового из этого – какого-то по счету прочтения – она не узнала, да, в общем-то, и не ожидала узнать. Просто «освежила в памяти» текст, заодно проверив, правильно ли поняла в

прошлый раз прочитанное и не пригрезилось ли ей все это во сне. Но нет, все так и обстояло, как помнилось.

«Ну и что же мне со всем этим делать?» – спросила она себя, непроизвольно бросив взгляд на кольцо.

Кольцо было необычное, нездешнее и страшно дорогое даже на взгляд какого-нибудь некомпетентного любителя, вроде Лизы. Само оно было сплетено из тончайших золотых нитей трех разных цветов: желтовато-красного, зеленого и белого, а в розетке из красного золота обработанный в форме кабошона – гладкой сплюсненной полусферы – огромный, каратов на шесть или семь, звездчатый рубин насыщенного темно-красного цвета. Однако дело не в самом кольце, а в том, кто, где и при каких обстоятельствах его Лизе подарил.

«Да, Роцин, с тобой ведь тоже надо что-то решать!»

Надо, значит, сделаем, но видит бог, слишком много проблем упало вдруг на ее «седую» голову, слишком много неотложных решений, которые следовало безотлагательно принять.

«Думайте, командир! Вам по рангу думать положено!»

Лиза сходила к поставцу, налила себе немного коньяка, раскурила одну из припасенных как раз на такой случай кубинских сигар и вернулась в кресло у стола.

«Итак, говоришь, покой нам только снится?»

Стихи написал все еще модный, хотя и порядком поистаскавшийся поэт Александр Блок. Впрочем, давно и, разумеется, по совершенно другому поводу. Однако стихи про несущуюся прочь степную кобылицу заставили Лизу задуматься о своем, о девичьем, о времени и о себе.

Нынешняя она жила в быстром чтобы не сказать стремительном, – времени, чреватом неожиданными переменами и насыщенном множеством разнообразных событий. А вот Лиза Берг, напротив, существовала в потоке медленного времени. Она родилась и выросла в Советском Союзе, где и вообще-то мало что происходит, если человек не совершает уж очень резких движений. Школа, институт, служба. Пара мужчин за добрый десяток лет. Квартира в старом доме, перспектива выйти замуж за коллегу и, возможно, через год-два купить машину. Еще можно было построить дачу. Такая вот колея!

А у Елизаветы Браге вся жизнь и того проще: всех дел – летать и стрелять. И всех изменений в плавном ее, этой жизни, течении, что муж ушел к другой, но вместо него образовался любовник. Одна подруга, пара мужчин и служба, которая, если не считать экстрима, – типа полетов в пурге или боя с противником, – такая же скучная рутина, как и работа в совершенно секретном научном институте, занимавшемся всякой заумью, вроде параллельных вселенных и путешествий во времени.

Однако та Лиза, которая обо всем этом думала, попыхивая дорожкой кубинской сигарой в каюте шеф-пилота «Звезды Севера», жила совсем в другом мире. В другом времени, в иной судьбе. Она, не вдаваясь в ненужные подробности, за неполных три года успела сменить сколько-то там любовников и любовниц, – кто ж их всех считал? – побывать во множестве экзотических стран, найти сокровище Яруба и сокровище Лемурии, поучаствовать в двух захватывающих дух экспедициях и одной войне, в которой ей пришлось командовать и крейсерами, и авианосной группой. Хватило бы и на две жизни! Ну, она, похоже, и живет теперь за двоих. И вот новый вызов. Вернее, два. Две проблемы, и обе надо решать.

«Не было печали... Так кажется?»

Обдумывая ситуацию так и эдак, Лиза не заметила, как докурила сигару, а это, как ни крути, хороших два часа с минутами.

«Счастливые часов не наблюдают! Да уж!»

И в этот момент, словно только того и дожидался, в каюту вошел Роцин.

– Так, так! – сказал он, подходя к Лизе. – Что случилось на этот раз?

– Мысли читаешь?

– Нет, но, если надо, научусь. Итак?

- Как? – напыжилась Лиза.
- Лиза, – успокаивающе поднял руку полковник, – ради бога! Давай без сцен, ты же не гимназистка какая-нибудь, прости господи!
- Ладно! – тяжело вздохнула Лиза. – Ты прав, а я нет. Извини!
- Извиняю, – кивнул Рошин. – Переходи к сути!
- Прочти это, – кивнула Лиза на документы, все еще лежавшие на столе.
- Красивые! – прокомментировал полковник и взял в руки первое из двух писем. – Бумага хорошая, – оценил он, – тушь, каллиграфия... Могу я поинтересоваться, что это и откуда взялось?
- Райт передал, – объяснила Лиза. – А ему эти документы вручили в посольстве Республики в Тулуаре².
- Ну-ну... – Рошин взглянул коротко на Лизу и стал читать документ.
- Весьма! – отметил, завершив чтение. – Второе письмо в том же духе?
- И да, и нет! – покачала головой Лиза. – Прочти!
- Ну-ну, – Рошин покачал головой, но спорить не стал. Взял бумагу, просмотрел текст.
- Советуешься или ставишь в известность? – он вернул второй документ на место и, присев на край стола, достал портсигар.
- Советуюсь.
- Что ж, тогда начнем с проблем, – предложил Рошин, закуривая.
- Давай, – снова вздохнула Лиза, предполагая, разумеется, о чем он станет говорить.
- Я с тобой поехать не смогу.
- Знаю.
- Знаешь, конечно, но должен же я сказать?
- Сказал, – кивнула Лиза.
- Ясный перец, что его никто не отпустит, да и ей, на самом деле, могут запросто «перекрыть кислород».
- Будет скандал, – пыхнул папиросой Рошин.
- Да уж, представляю! Коньяка хочешь?
- Хочу! – кивнул полковник. – Сиди! – остановил он Лизу, хотевшую было встать и принести им обоим коньяку. – Я сам налью.
- Могут случиться неприятности, – предупредил, уже достигнув поставца. – Великий князь точно взбеленится. О твоих, флотских, и говорить нечего. Кое у кого пар из ушей пойдет.
- Догадываюсь, – в третий раз тяжело вздохнула Лиза.
- Значит, все уже обдумала.
- Десять раз и во всех комбинациях.
- Ну, тогда излагай свои резоны! – предложил Рошин, возвращаясь с двумя бокалами.
- Нечего излагать, – пожала плечами Лиза. – Тебя не отпустят, это факт. Но мы, Вадим, люди служивые, нам и в любом случае покой может только сниться. Меня призовут или тебя в бой пошлют...
- А ведь тебе это нравится! – вдруг улыбнулся Рошин. – И как я этого сразу не понял? Ты же их всех уешь одним своим согласием!
- Не стану врать, – призналась Лиза. – Я обиделась! И насрать, права я или нет! Меня оскорбили, разве нет?!
- Тебя оскорбили, – согласился Рошин. – И теперь доктор Рэтлиф дает тебе отличный шанс поквитаться.
- Значит, ты не будешь против?
- Значит, ты уже все решила?

² Тулуара – столица острова Мадагаскар.

– Нет, – покачала головой Лиза, – в том-то и дело, что ничего я не решила! Но знаешь, Вадим, у них адмиралы носят эполеты. Представь, я в эполетах и вся в золотом шитье!

– Звучит захватывающе!

– А выглядит, наверно, еще лучше!

Часть I

Дороги, которые мы выбираем

Глава 1

О, фортуна!

Март 1933 года

1. Шлиссельбург, Себерия, двадцать третье марта 1933 года

«Вернулась я на родину...»

Вот черт знает что! Ведь, если правду сказать, никакая ей это не родина. Ни разу и нигде. Лиза родилась в Ленинграде, в СССР, а это – совсем даже наоборот: Шлиссельбург, Себерия и далее везде. Но стоило сойти по трапу на потрескавшийся бетон Самсоновского поля, оказалось – все-таки родина. И от этого уже никуда не денешься. Родина – она родина и есть, ни с чем не спутаешь!

– И дым отечества нам сладок и приятен! – сказала вслух, вдыхая сырой воздух Приладожья, пахнувший печным дымом и весной.

– Красивые стихи, – отметил Роцин. – Кто написал?

– А бог его знает! – пожала плечами Лиза. – Где-то слышала...

Ну да! Как же! Слышала она! В школе учила. «Горе от ума» называются. Но вот беда, Грибоедов в Себерии попросту не родился. Хотя, может быть, и родился, но стихов не писал? Или родился и писал, но не в Себерии, а в Киеве? Тоже реалистично. Другой мир, другие поэты. Удивлять должно не это, а то, что совпадений, на самом деле, гораздо больше, чем различий.

– Не помнишь и не надо, не принципиально! – бросил Роцин и показал рукой куда-то в сторону. – Смотри-ка лучше, какие люди нас встречают!

Лиза посмотрела, и на сердце стало еще лучше, хотя, казалось бы, куда больше-то?! И так через край! Но с другой стороны, от Надежды и Клавдии она, допустим, ничего другого и не ожидала. Могла предположить присутствие Полины, если та не на дежурстве. Но Петр и Григорий? Бывший муж и единокровный изверг? Согласитесь, это уже перебор!

– А ты, оказывается, популярна! – заметила Мария, ей все было внове, и все – незнакомцы. – Или это полковника так встречают?

С Машей Лиза сошлась на удивление хорошо. Слово всю жизнь ее знала. Со школы или еще как.

– Да нет! – улыбнулась, взглянув на новую подругу. – Роцина вон те встречают, моторизованные!

И она кивком показала, кто и где. Там около выстроившихся в ряд трехосных легкобронированных вездеходов «Кокорев-Кирасир» плотной группой стояли офицеры в коротких кожаных куртках на меху, как у авиаторов, и в пилотках вместо фуражек.

– Господа пластуны, – прокомментировала Лиза и обернулась к Роцину.

– Ступай, Роцин! – сказала она, предвкушая его реакцию на ее сюрприз. – Пообщайся! Или знаешь что, устрой мальчишник! Можно даже с девками!

– Мальчишник? – переспросил озадаченный полковник. – С девками?

– Роцин, ты что, передумал на мне жениться? – подняла она тщательно выщипанную бровь-ниточку.

– А когда свадьба? – переходя на деловой тон, спросил ее «суженый, ряженный».

«А удар-то ты, Вадик, пропустил! Не ожидал такого поворота, разве нет?»

– Через неделю, – строго сообщила Лиза, – считая с сегодняшнего дня.

– Принято, – кивнул Рошин. – Надеюсь, брак церковный?

– Давай пока обойдемся гражданским, – охладила его пыл Лиза. – Я могу попросить дядю Андрея... То есть адмирала Борецкого, разумеется. Он хоть и сукин сын, но брак зарегистрировать все еще способен. Адмирал Кондратьев вот тоже, или Марков...

Как иногда бывает, Лиза сначала ляпнула, подумала потом. И сама себе удивилась. Что именно она имела в виду, упомянув адмиралов Кондратьева и Маркова? То, что они, как и ее двоюродный дедушка, барбосы паршивые и кобели драные, или то, что, являясь адмиралами Флота, имеют право объявить двух разнополых старших офицеров мужем и женой? Но вот про гражданский брак она сказала обдуманно. Имелись у Лизы резоны на этот счет, и достаточно серьезные притом.

Хорошо, не стал спорить с ней Рошин, но с одним условием. Через год, считая с сегодняшнего дня, пойдешь со мною под венец с исполнением всех обрядов.

«Все обряды? Круто замешиваешь, полковник! Но, сказав „А“, приходится соглашаться и на „Б“».

Впрочем, оставить последнее слово за Рошиным она не могла ни при каких обстоятельствах.

– А если залечу? – прищурилась Лиза, полагавшая, однако, что вряд ли забеременеет, раз до сих пор ни разу не получилось.

– Если залетишь, то раньше! – пожал плечами полковник. – Ублюдков плодить не станем. Согласна?

– По рукам! Иди уж! – улыбнулась все еще «топтавшемся» подле нее Рошину. – Мы тоже гульнем! Не против?

– Ни в чем себе не отказывай, дорогая! – улыбнулся в ответ полковник.

– Вообще-то это моя реплика!

– Но я сказал первым!

– Бог с тобой, Рошин! – махнула она рукой. – Бери, не жалко. А мне надо привыкать уступать...

– Тренируйся! – усмехнулся полковник и, отвесив дамам поклон, пошел к сослуживцам.

– Увидимся утром! – крикнул он, оглянувшись. – Не скучай!

– Не дожدهшься! – крикнула в ответ Лиза, доподлинно зная, что в отношениях с Паганелем ей в свое время именно этого и не хватало.

Легкость, порождаемая равенством, вот как называется это чувство!

– Ну, что, Маша, пойдём-ка и мы, что ли! А то, поди, заждались нас уже! Намерзлись бедные!

Полторы сотни метров до «красной линии» она прошла, как манекенщица на подиуме. Легко, стильно, под ритмичное постукивание высоких каблуков. Победительно, как выражались поэты прошлого: ни разу не сомневаясь в себе, своей внешности и замечательной способности сводить с ума всех подряд, не делая различий по полу, возрасту и вероисповеданию. Даже странно было, как мог кто-нибудь ее не любить, тем более ненавидеть! Но о тех, кто ее терпеть не мог или не хотел, она себе сейчас думать запретила.

«Наслаждайся моментом, милая!» – приказала она себе, и, что характерно, сегодня это получалось у нее без заминки, точно так же, как и с походкой: легко, непринужденно.

Ты еще выросла, или это я от морозов усохла? – Надежда не умела по-другому, но, если честно, то и не надо, потому что именно такой ее Лиза и любила.

Обнялись. Расцеловались. И понеслось! Слова, объятия, поцелуи. Вздохи, ахи и прочая приятная при умеренном употреблении ерунда. Лиза даже расчувствовалась и едва не пустила

слезу, когда злыдень Гриня, троекратно облобызав, погладил ее вдруг по коротко стриженным волосам.

– С возвращением, Веточка!

«Веточка? Серьезно?!»

Веточкой Лизу никто не называл с раннего детства. Да и в ту пору так звали ее немногие, разве что покойная мать.

«Но не моя, а Елизаветы Браге!»

– Ты бы меня еще Люшечкой назвал! – фыркнула Лиза, но в душе была, мало сказать, тронута. Растрогана. Так, пожалуй.

– Вот, – сказала она, оборачиваясь к Марии, – прошу любить и жаловать, братец мой единоутробный Гриня! И тоже, представь, полковник-пластун!

– Два полковника в одной семье? – усмехнулась Мария и протянула Григорию руку. – Мария Бесс, приятно познакомиться!

– Извини, Маша! – вздохнула Лиза, сообразив, что так и не представила свою новую подругу. – Дамы, господа, знакомьтесь! Эта Мария Бесс. На самом деле, Маша Бессонова, разумеется, но у нее мать француженка, и выросла Маша на Мадагаскаре в Старой колонии в Тулеаре. По-русски понимает с пятого на десятое, да и французский у нее своеобразный, но понять можно!

Начались представления, и пока со всеми не перезнакомилась, Мария переходила «из рук в руки», как мяч при игре в датский håndbold, который в СССР называли гандболом. Споткнулись только раз, когда очередь дошла до Петра.

– А это Петр, – представила его Лиза, – мой бывший муж.

– Это тот, которого ты поймала на своей кухне? – уточнила Мария, и настало неловкое молчание.

Замечание нетактичное. Можно сказать, грубое. И не ко времени. Но у Маши, как успела уже заметить Лиза, с тактом и вообще не все обстояло гладко. Иной раз такое несла, просто Содом и Гоморра, а не девушка из интеллигентной семьи. Петр от ее вопроса смутился, Варвара пошла красными пятнами, а Григорий выдал одну из тех улыбок, от которых скисает молоко. Остальные просто молчали, не зная что сказать. Зато у Лизы, как известно, ни стыда, ни совести и слово для друга всегда найдется.

– Да нет, – нарушила она повисшую над компанией тишину, – не на, а за. Впрочем, это всего лишь техническая деталь, да и дело прошлое. Теперь мы дружим домами. Правда, Варвара?

– Да, – вымученно подтвердила Варвара, на щеках которой впору было жарить блины. – Дружим... домами...

Ну, уж как они дружили, трудно сказать. После Лизиного возвращения из Африки виделись несколько раз. Но факт остается фактом: Лизу начали приглашать в гости. Возможно, слово за слово «вы к нам, а мы к вам» – могли, в конце концов, и сойтись. Тем более что, на самом деле, Варвара увела мужа не у этой Лизы, а у той, прежней. Так что нынешняя зла на Варвару по большому счету не держала, а если и держала, то накал страстей был совсем не тот, чтобы рвать и метать. К Петру Лиза тоже не ревновала. Переспала разок, попробовала, так сказать, «на зуб», – да и отпустила мужика на все четыре стороны. Не нужен он ей оказался. Ни как друг, ни как любовник. А вот как бывший муж – в самый раз. Однако потом случилась война, и Лизу затянуло в жернова истории. Высоко взлетела, долго падать пришлось. Едва в живых осталась. Ну, а еще потом Лиза покинула Себерию и вскоре ушла в поход, став первым капитаном, которому удалось провести корабль в глубь Лемурии. И хотя по корабельному времени «Звезда Севера» провела на «той стороне» всего двадцать три дня, здесь, на этой стороне, оказывается, прошло пять с половиной месяцев.

– Давай, Варвара, поцелуемся, – наскоро обдумав сложившуюся систему отношений, великодушно предложила Лиза, – и зароем топор войны!

Варвара от неожиданности сбледнула с лица.

– Да, не бойся! – усмехнулась Лиза. – Это не заразное! Как спала с Петром, так и будешь!

В результате обнялись, и тут Надежда заметила то, на что другие не обратили пока внимания.

– Красивое кольцо, – сказала она, перехватывая на ходу Лизину руку, – и дорогое, поди, ужас!

А на безымянный палец ты его, Лиза, по рассеянности надела, или как?

– Или так, – не без удовольствия сообщила Лиза. – Замуж выхожу! За Рощина. Свадьба через неделю. Все присутствующие приглашены!

2. Шлиссельбург, Себерия, двадцать четвертое марта 1933 года

Рощин вернулся только наутро, если, конечно, считать утром полдень. Был непривычно бледен, шагал как-то излишне твердо, держался прямо, словно аршин проглотил. Взгляд остекленелый, речь замедленная, но при этом нарочито четкая. В общем, мертвецки пьян, но держится молодцом.

«Хорош!»

Впрочем, накануне Лиза ему сама разрешила, да и не судья она ему! Сама пьет – прости, господи! – как сапожник, хотя выглядит не в пример лучше!

– Прими душ, Вадим! – предложила она, но сразу же сообразила, что не права. – Или знаешь что? Не надо! Иди спать, горемычный! Но к вечеру чтоб был как огурчик! В оперу идем!

Про оперу, что не странно, стало известно только вчера, да и то сильно ближе к ночи. Клавдия неожиданно перестала пить шампанское, которое, как говорится, лилось рекой, и объявила, что на этом все!

– Не обессудь, матушка! – обняла она Лизу. – Не из вредности, а токмо из чувства долга. Завтра в вечер пою Кончаковну в «Князе Игоре». Вы с полковником и ты, Мария, разумеется, приглашены, но вам не петь, а мне – да!

Объяснившись, поцеловала Лизу в губы, да не абы как, а так – длинно и с известным чувством, – что ту ощутило повело.

– И не вздумай! – возникла рядом с ними «грозная» Надежда.

«Это она кому? – оторопела захмелевшая Лиза, не сразу разобрав, в шутку сказано или всерьез. – Мне или Клавдии?»

Но вполне возможно, что, пусть и шутейно, но все-таки обеим, поскольку, как успела заметить Лиза, отношения между ее подругами за время ее дальних странствий очевидным образом перешли на новый уровень.

– Ладно, ладно! – замахала она на Надежду руками. – Не кипятись! Я, между прочим, замуж выхожу!

– Я тоже! – весело подмигнула ей Клавдия и, подцепив Надежду под руку, увела ее домой.

Так что теперь в планах на вечер значились «Князь Игорь» в Великокняжеском и «ужин, плавно переходящий в завтрак» в ресторации «Гурмэ» на Старой Поморской. Но все это вечером «Потом, потом!», а сейчас Лизе предстояло сделать несколько важных звонков и утрясти несколько не терпящих отлагательства дел. Во всяком случае, так она планировала, все еще пребывая в добром, если не сказать, расслабленном расположении духа. Однако гладко было на бумаге, как говорится, да забыли про овраги! А по ним идти!

В приемной адмирала Маркова ее вежливо, но непреклонно послали на известные буквы русского алфавита, предложив на общих основаниях – типа «в порядке живой очереди» – записаться к Георгию Алексеевичу на прием. И даже дату *госпоже Браге* предложили – в июне

месяце. Не помогли ни ссылки на личное знакомство, ни уверения в срочности и, возможно даже, неотложности дела, которое *капитан 1-го ранга и кавалер Полярной звезды баронесса фон дер Браге* желает обсудить с начальником кадрового управления Флота адмиралом Марковым. Референт адмирала стоял насмерть и вникать ни во что не желал.

«Вот же дундук гребаный!» – подумала в раздражении Лиза и стала звонить в Адмиралтейство к Кондратьеву. Ничего дурного она в тот момент еще не заподозрила, оттого и чувства ее характеризовались одним лишь раздражением, но никак не гневом. С чего бы ей гневаться? Абсолютно не с чего!

Впрочем, как вскоре выяснилось, адмирал Кондратьев был так же недоступен, как и адмирал Марков.

«Совпадение?»

Могло случиться и так. Однако когда один за другим выпали из списка адмиралы Верников и Борецкий, Лизу охватила сначала оторопь, а потом пришла и нешуточная злость. Слишком похоже на заговор, но, может быть, заговор и есть?

«Сговорились?! Ну-ну!»

Лиза закурила и взялась названивать всем подряд: в канцелярию великого князя, вице-канцлеру, в секретариат военного министра и в референтуру Адмиралтейства. Даже командиру Шлиссельбургской базы Флота позвонила, но все напрасно везде она утыкалась в глухую стену вежливого игнорирования.

«Значит, все-таки сговор! Комплот, вашу мать! – вскипела Лиза. – Ну-ну! Как там говорил отец наш, основатель? Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет! Будет вам, голуби, Невская битва! Мало не покажется!»

– Случилось что? – спросила Мария, все это время терпеливо покуривавшая в сторонке, у окна с видом на озеро.

– Наверное! – пожала плечами Лиза. – Еще не разобралась, но будь уверена, когда разберусь, кое-кто кровью умоется!

– Это эвфемизм или ты и в самом деле собираешься воевать?

Мария была той еще стервой, но не для Лизы. К Лизе она относилась по-дружески и вопрос свой задала не для того, чтобы подначить или, не приведи господи, уязвить, а для того, чтобы уяснить, что происходит и чего следует от всего этого ожидать.

– Пока эвфемизм, – решила Лиза, обдумав ситуацию еще раз, – но ни за что ручаться не могу. Как карта ляжет!

– Ладно, уяснила, – чуть улыбнулась Мария. – Что будешь делать?

– Пойду решать проблему. Хочешь со мной? – спросила из вежливости, но Мария выразила желание «поучаствовать», и Лиза решила, что компания ей не повредит.

Они быстро переоделись, привели себя в порядок и отправились «выяснять и интриговать». Для начала Лизе нужна была информация, но вспомнив кое-что из событий, предшествовавших экспедиции в Лемурию, из дома она решила никому больше не звонить. Поэтому взяла извозчика, выехала с Марией в старый центр Шлиссельбурга и уже оттуда, воспользовавшись таксофоном в одном сонном трактире на Канатной улице связалась с Иваном.

– В два часа в «Авиаторе» на Якорной площади! – безапелляционно заявила в трубку, едва Иван произнес свое обычное «вас слушают».

Не вопрос, не просьба, всего лишь сообщение. Но Иван, судя по всему, ее понял правильно и возражать не стал, даже при том, что Лиза позвонила ему в середине рабочего дня и по прямой линии. То есть сама она думала так: если ответит, значит согласится, даже если занят или при смерти. И не ошиблась, Иван приглашение принял.

– Буду, – сказал он и дал отбой.

Затем Лиза полчаса вызванивала через все возможные и невозможные коммутаторы капитана 2-го ранга Корсакову. Найти Анну было непросто, но, известное дело, терпение и труд все перетрут.

– Корсакова у телефона!

– Здравствуйте, Анна! Это Елизавета Браге вас беспокоит, если помните.

– Здравствуйте, Елизавета! – сразу же откликнулась на приветствие Корсакова. Помню, разумеется! Рада вас слышать. С возвращением! Слышала в новостях, вы прошли-таки в Лемурию. Поздравляю!

– Спасибо! – поблагодарила Лиза. – Я, собственно, по делу.

– Чем могу? – сразу же посерьезнела капитан Корсакова.

– Вы ведь знакомы с капрангом Забелиной?

– Имею честь, – подтвердила немногословная собеседница Лизы.

– Мне нужна приватная встреча с Галиной Викторовной. С глазу на глаз и как можно скорее.

– Даже так? Что-то серьезное?

– Не знаю пока, но посоветоваться с компетентным и равнодушным человеком не помешает.

Капитан-интендант 1-го ранга Забелина была первым заместителем главного прокурора Флота, и Корсакова не могла не сообразить, зачем Лизе могла понадобиться срочная встреча с военным юристом.

– перезвоните мне, пожалуйста, через полчаса, сказала Корсакова после короткого раздумья. – Думаю, я смогу это устроить.

* * *

В два часа дня, предварительно отправив Марию прогуляться – «в познавательных и психотерапевтических целях» – по Старо-Казенным торговым рядам, Лиза вошла в кофейню «Авиатор». Иван ее уже ждал. Сидел за дальним столиком, в затененном углу, – рюмка коньяка и чашка кофе, – курил папиросу. Одет был в статское, но другого Лиза от него и не ожидала. Капитан 2-го ранга Иван Гаврилович Кениг – муж ее двоюродной сестры Татьяны – служил в отделе документации Канцелярии набольшего боярина Адмиралтейства Порхова, то есть, говоря по-простому, в разведке. Так что не мальчик, знает почем фунт лиха.

– Здравствуй, Лиза! – встал из-за стола Иван, но руки протягивать не стал, опасаясь по-видимому, попасть впросак.

– Здравствуй, Иван!

Лиза села первой, достала портсигар, показала подошедшему половому на кофе и коньяк Ивана и попросила повторить.

– Ты ведь знаешь, что происходит, так?

– Знаю, – Иван был спокоен или, как минимум, уверенно держал лицо.

– Почему заранее не предупредил? – спросила Лиза, прикурив от протянутой Иваном зажигалки.

– А как ты себе это представляешь? Я имею в виду, как тебя было предупредить с технической точки зрения? Связаться по радио? Послать письмо? В Лемурию, тетеньке Лизе Браге?

– Не знаю, – пожала она плечами, не желая входить в его положение. – Но когда тебе было нужно, ты меня и в Византии нашел. Было бы желание! А так знаешь, как это называется?

– Да как ни назови!

– Ладно, – кивнула Лиза. – Материть тебя, как я понимаю, бессмысленно, все равно не проймет. Так что давай, что ли, к делу? Проведи, будь добр, инструктаж, как офицер с офицером, а то я ровным счетом ничего в вашем серпентарии не понимаю!

– А что тут понимать? – приподнял бровь разведчик, проигнорировав определение «серпентарий». – Ты, Лиза, свою фортуна упустила, теперь не догонишь! Поезд ушел.

«Даже так?!»

Казалось, Лизу ничем уже не удивишь, но вот Ивану это удалось.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее! – попросила она.

– Всех подробностей не знает никто, даже я, – криво усмехнулся Иван. – Но в общих чертах диспозицию обрисовать, разумеется, могу. Восемь месяцев назад, когда ты сбежала из Шлиссельбурга в свою Лемурию, в Себерии сложилась довольно сложная и чреватая немалыми потрясениями ситуация. Образно говоря, это был политический ураган, поскольку разом рухнула вся система противовесов. Ну, ты, я думаю, понимаешь, как устроена наша демократия? Великий князь, дума и сенат, политические партии, финансово-промышленные группы Севера и Запада и, конечно, армия и Флот. И это, заметь, я перечислил только самых заметных игроков, а есть ведь и другие. Церковь, например.

Иван замолчал, потому что к их столику вернулся половой с заказанными Лизой кофе и коньяком, и продолжил свой импровизированный брифинг только тогда, когда они снова остались наедине.

– Политический кризис возник, естественно, не по твоей вине. Ты, Лиза, без обид, не та фигура, чтобы нарушить баланс сил. *Таких* сил, я имею в виду. Однако волею обстоятельств ты оказалась в эпицентре катастрофы и на тот момент была той самой пешкой, которую, приложив некоторые и притом отнюдь не чрезмерные усилия, можно провести в королевы. Ты превратилась в ценный ресурс и одновременно в уникальный инструмент для манипулирования общественным мнением. Так к тебе, собственно, и относились. Но ты не придумала ничего лучше, чем сбежать. В каком-то смысле ты была права, и поступок твой был более чем благородным, я бы даже сказал великодушным по отношению к политическому истеблишменту и Флоту. Все его так и оценили.

– Но! – поднял Иван указательный палец, словно хотел привлечь внимание Елизаветы, которая и без того слушала его как замороженная. – Но ты, Лиза, забыла народную мудрость. Вернее, сразу три. Знаешь ведь, как у нас говорят: дают бери, а бьют беги! Тебе предлагали корону, а ты сбежала. Но ведь свято место пусто не бывает, не так ли? И без тебя обошлись. Страна большая, народу много. Кризис, в конце концов, преодолели, то есть договорились. Понимаешь, о чем я? Договорились! Перетерли, пошли на уступки и компромиссы и достигли консенсуса. Вот только тебе в этой новой архитектуре демократического равновесия места уже не было. Даже хуже. Ты, Лиза, в роли национальной героини в этой конструкции стала лишней. И это не учитывая того, что кое-кто на тебя зуб точил именно за те самые события, которые тебя тогда и вознесли. Ну, а народ, обыватели, общественность... Что с них взять? С глаз долой – из сердца вон. Ты уехала, они тебя и забыли. И все, собственно.

– Все? – переспросила Лиза, совершенно ошарашенная таким поворотом дел. – Так мне что теперь, самоубиться за ненужностью?

– Ну, зачем сразу самоубиться? – пожал плечами Кениг. – С этим никогда спешить не следует. Физически тебя никто не тронет, хотя могут, конечно, из вредности слить великобританцам. Это ведь ты, как я понимаю, приговорила майора Седжвика?

– То есть, – уточнила Лиза, прищурившись, – стала не нужна, так можно и в расход? Как сопутствующие потери, так, что ли?

– Может случиться и так, – кивнул Иван. – Я не утверждаю, что так именно и произойдет, но определенная вероятность существует. Во всяком случае, я такой вариант сбрасывать со счетов не стал бы. Отсюда совет. Уезжай, Лиза! Денег у тебя достаточно, мир велик. В конце концов, забудут и наши, и англичане. Забудут и оставят в покое.

– Хороший совет, ничего не скажешь! – покачала головой Лиза.

– Хороший, – подтвердил Иван. – Уж поверь! И даю я его тебе только потому, что, во-первых, ты мне не чужой человек, Лиза, а во-вторых, чувствую себя перед тобой в долгу.

Хотелось наорать. Сказать, что все они суки драные, без чести и без совести. Свиньи неблагодарные и шкуры тыловые. Но ничего этого Лиза вслух не произнесла. Зачем? Ругань в данном случае бесполезна, потому как еще одна себерская народная мудрость утверждает: брань на воротах не виснет.

«Что им с моей брани? Да и Кениг, в сущности, ни при чем. Он мелкая сошка, но и ему зачтется!»

– Понятно, – кивнула она. – Спасибо за разъяснения, Иван. Наверное, воспользуюсь твоим советом. Но знаешь что, дай-ка мне еще один совет!

– Все что в моих силах.

– Я замуж собралась...

– Серьезно? Мои поздравления! – сразу же изменил тон Иван. – Кто избранник? Этот твой шотландец?

– Нет, я за Рощина замуж собралась.

– А вот это зря, – покачал головой Кениг. – Сломаешь мужику судьбу. Он же в генералы прямо-таки аллюром прет. Но если он твой муж, то тут уж ой!

3. Шлиссельбург, Себерия, двадцать пятое марта 1933 года

Поговорить удалось только под утро, когда после оперы и кабака добрались, наконец, до дома. Лиза отправила Марию спать, а сама позвала недоумевающего Рощина в кабинет и там уже рассказала все как есть. То есть не только то, что поведал ей шпион Кениг, но и то, до чего додумалась сама. Рощин слушал внимательно, не перебивал и, уж тем более, не комментировал.

– Гадюшник! – констатировал он, когда Лиза закончила свой рассказ. – Чего-нибудь эдакого я грешным делом от них ожидал, но не в такой же степени!

– А я, Вадик, на поверку оказалась наивной душой, – криво усмехнулась Лиза. – Мне такой поворот и в голову не приходил.

– Ну, наивная ты или нет, теперь уже неважно. Надо решать, что делать будем!

– Да нет, Вадим! Нечего тут решать! Я им, как порядочный человек, предложила свой полный нейтралитет, а они мне, фигурально выражаясь, пощечину влепили!

– То есть вариант с мужниной женой в моем имении на Печоре даже не рассматривается?

– А ты бы такое стерпел?

Вопрос не праздный, и ответ должен быть по существу, а не «около того».

– Если только ради тебя, но ведь ты бы на это не согласилась...

– Ох, Вадим, Вадим! – Лиза тяжело вздохнула и начала шарить среди бумаг на столе в поисках папирос. – Как ты, ко мне в жизни никто не относился и не понимал меня так никто.

Она нашла, наконец, мятую коробку «Сальве» и коротко взглянула на Рощина, молча переваривавшего ее реплику.

– Курить будешь?

– Буду! – кивнул полковник. – Значит, дашь бой?

– Значит, сначала дам тебе, а потом уже в бой! – улыбнулась Лиза.

– То есть прямо здесь, прямо сейчас? – заинтересованно поднял бровь Рощин.

– А чего тянуть? Вон какой у меня здесь стол хороший...

Стол оказался и в самом деле годным в прямом и в переносном смысле тоже. Однако, возможно, дело было совсем даже не в столе, а в настроении. Гнев, бушевавший в душе Лизы и весь день не находивший себе выхода, благодаря магии момента легко преобразовался в страсть. И это была такая страсть, которая способна убить на месте или вознести до небес.

Лизу вознесло. Рощина, похоже, тоже. Еле отдышались, но на то, чтобы собрать разбросанную по всему кабинету одежду, сил уже не было.

– Ну, ты и даешь, Елизавета Аркадиевна! – помотал головой вымотанный «до последнего» Рощин. – Но и даешь ты, как берешь. По-мужски. Ей-богу, Лиза, как настоящий полковник! Говорю не в укор, а в восхищении...

– Пошли, что ли, в ванне посидим! – сменяя тему, предложила Лиза.

– Иди, – с усилием выдохнул Рощин. – Напускай воду, а я схожу за папиросами.

– Тогда уже и коньяк принеси...

4. Шлиссельбург, Себерия, двадцать седьмое марта 1933 года

Себерское Географическое общество помещалось в специально построенном для него в девяностых годах прошлого века краснокирпичном трехэтажном здании с башенкой. Само общество занимало весь третий этаж, а в цокольном этаже и на двух следующих находились Этнографический музей, клуб, прозванный в народе «Клубом трех капитанов» – по количеству бюстов в фойе, и актовый зал. Вот в этом зале и должна была состояться демонстрация рабочих материалов к фильму «Лемурия», отснятых и наскоро смонтированных для такого случая Виктором и Дарьей Шумскими. Лиза тоже пришла, тем более что родственники ее об этом едва ли не умоляли. Другое дело, что пришла она не просто так, то есть «не бескорыстно», но Шумские об этом ничего не знали, потому что Лиза готовила экспромт и реприманд³. А о сюрпризах, как известно, заранее не предупреждают, хотя и готовят их загодя и со всей тщательностью. Вот и Лиза не поленилась: ее появлению в актовом зале Себерского Географического общества предшествовали два напряженных дня, до предела заполненных этими самыми приготовлениями к «празднику». Встречи, беседы, звонки из городских телефонных будок. Да мало ли было дел! Всего и не упомнишь. Зато и результат должен был случиться нерядовой.

Понятное дело, зал был полон. Вернее, забит до отказа. Ученая молодежь сидела даже в проходах, прямо на паркетном полу. И, разумеется, освещать событие прибыли не менее двух десятков специальных корреспондентов от всех основных себерских газет и журналов, и даже кое-кто из заграничных репортеров. Во всяком случае, особое спасибо Рейчел – здесь точно находились два американца: один, работающий на Associated Press, и другой, пишущий для английского Reuters.

– Начинаем! – нервно шепнул Виктор. – Ты готова, капитан?

– Я, Витя, всегда готова, – усмехнулась Лиза в ответ. – Ну что, пошли, что ли?

– Пошли!

И они вышли на сцену. Шумские, Лиза и профессор Колмогоров председатель Географического общества.

Первым, естественно, заговорил профессор, представивший публике гостей. Каждое имя присутствующие встречали бурными аплодисментами, но Лизе – единственной – аплодировали стоя. Сначала поднялись Полина, Мария и Надежда, за ними какие-то интеллигентного вида мальчики в проходе, и плотину прорвало. Ряды колыхнулись, и на Лизу обрушился шквал аплодисментов.

– Да, да! – покивал профессор Колмогоров, улыбаясь в седую старообрядческую бороду, и поднял руку, призывая зал к тишине.

– Полностью с вами солидарен, дамы и господа! – сказал он, когда вновь смог говорить, не напрягая голос. – Елизавета Аркадиевна наша гордость! И мы необычайно рады принимать ее в славных стенах Себерского Географического общества! Редкий случай, дамы и господа! Редчайший... Пожалуй, всего лишь второй со времен капитана Вергина, когда подлинный военный герой становится первопроходцем и путешественником.

³ Реприманд – неожиданность, неожиданный оборот дела (устар., разг.).

И далее все в том же духе еще не менее получаса, но Лиза не возражала. Она все это и затеяла в надежде привлечь к себе не отличающееся постоянством внимание общественности. И надо отдать должное, пока у нее все получалось как надо.

После профессора с коротким вступительным словом выступил Виктор Шумский, пообещавший, впрочем, ответить на вопросы после демонстрации фильма. Затем начался, собственно, показ, и Лиза перешла на зарезервированное для нее место в первом ряду. Села, откинулась на спинку кресла и вскоре даже забыла, что и для чего собирается делать этим вечером в этом зале. Фильм ей понравился. Он был хорошо снят и неплохо смонтирован. Все-таки Шумские не зря считаются живыми классиками документального кино! Умеют и любят они это дело. Не отнимешь!

Однако сколько веревочке ни виться, все равно конец! Фильм закончился. Публика воодушевленно поаплодировала, на сцену вынесли стол и стулья, и началась вторая часть вечера. Ответы на вопросы. Лиза не знала, когда и кем будет задан *тот самый вопрос*, но надеялась, что Клава не подкачала, и все будет, как и планировалось: неожиданно и больно, как удар по яйцам.

– «Себерский Курьер»! – крикнула, вставая, немолодая худая, как щепка, женщина. – Концевая. Вопрос к капитану фон дер Браге.

– Прошу вас, Ольга Виссарионовна! – улыбнулся женщине Виктор, наверняка давно и хорошо с ней знакомый.

– Елизавета Аркадиевна, правда ли, что вы направляетесь добровольцем в армию республики Техас?

«Вот оно! – не без злорадства усмехнулась мысленно Лиза. – Что ж, господа хорошие, понеслось!»

– Нет, – улыбнулась она женщине-репортеру.

– То есть слухи о вашем скором отъезде в Техас не соответствуют действительности?

– Отчего же? – «удивилась» Лиза. – Я действительно уезжаю в Техас. Но я не волонтер, а наемник. Есть разница!

– То есть вы на самом деле присоединяетесь к армии Техаса?

– Да, я получила такое предложение от президента республики Техас доктора Рэтлифа, – вежливо объяснила Лиза. – И приняла его.

– Вы получили на это разрешение от командования Флотом? – дожимала Концевая.

– Без комментариев!

На самом деле, это был именно тот вопрос, который Лиза обсуждала с заместителем главного военного прокурора. Оказалось, что в правилах на этот счет ничего про случай Лизы не прописано. Офицер, находящийся в отставке, формально мог не испрашивать разрешения на то, чтобы вступить в ряды иностранной армии. Исключением являлось лишь поступление на службу во враждебное государство. Этот пункт имелся в перечне преступлений, приравняемых к предательству. Однако республика Техас врагом Себерии не являлась. Напротив, после известных событий в Западе вице-канцлер Себерии сделал заявление в поддержку Техаса и направил ноту послу Мексиканской империи. Получалось, что формальных причин к преследованию Лизы у Адмиралтейства не будет, но, разумеется, такой поступок без последствий не останется.

– Лиза, ты серьезно?! – зашипел, сделав круглые глаза, Виктор.

– А похоже, что я шучу? – так же тихо, чтобы не услышали в зале, ответила Лиза.

– Последний вопрос! – крикнула Концевая, которую начали оттирать и затыкать перевозбужденные от Лизиних слов репортеры других изданий.

– Лившиц! – заглушил женщину мощным басом некрупный, но чрезвычайно широкогрудый мужик. – «Ниенский телеграф»! Каким кораблем вы будете командовать, крейсером или летающей крепостью?

– Без комментариев!

Вообще-то изначально она планировала ответить и на тот вопрос, но Рощин уговорил «не сжигать мосты».

– Ну, хоть скажите, техасцы готовы подтвердить ваше звание? – крикнул какой-то оставшийся безымянным журналист.

– Нет, не подтверждают, – ответила Лиза и, переждав волну шума, прокатившуюся по залу сразу после ее ответа, вбила последний гвоздь: – Мне предложили звание адмирала, и я его приняла.

5. Шлиссельбург, Себерия, двадцать восьмое марта 1933 года

В вечерние выпуски новость не попала. Просто не успели сверстать, хотя по радио и дальновизору Лизины слова цитировали в вольном пересказе агентства Reuters из Лондона. Эти как раз подсустились. Впрочем, в утренних выпусках газет сенсационное известие не только излагалось со всеми подробностями, но и комментировалось на все лады. И «лады» эти были именно такими, как и предполагала Лиза, устраивая свой вброс. Это вчера о ней никто в Себерии не помнил. «Успели, суки, забыть!» Но теперь, когда, благодаря фильму Виктора и Дарьи Шумских, стало известно, что Елизавета фон дер Браге первой из ныне живущих капитанов провела корабль в глубь Лемурии, да еще и вернулась оттуда не с пустыми руками, и когда выяснилось, что техасцы предложили ей адмиральские эполеты, все сразу вспомнили и про ее подвиги на войне, и про экспедицию в Яруб. Вот этого господ политические махинаторы никак не ожидали, и заговор молчания, получалось, выходил им теперь боком. Из канцелярии адмирала Маркова, к слову, Лизе позвонили уже в полдень. Хотели бедолаги назначить встречу, но Мария, сидевшая на телефоне, ответила им по-французски, что госпожа адмирал сильно занята и встретиться с адмиралом Марковым не может. Тогда Лизе позвонил сам Марков, но Мария и его – корректно, но непреклонно – отправила на все те же три известные буквы русского алфавита.

– Госпожа адмирал занята и подойти к аппарату никак не может, – отрезала она и добавила, отвечая на совершенно закономерный вопрос старого адмирала: – Не думаю, что это возможно в ближайшие неделю-две. Но вот пятнадцатого апреля...

За следующие три часа «заинтересованные стороны» предприняли еще с дюжину отчаянных попыток выйти с Лизой на связь, но все безуспешно. Лиза включила в себе *Стерву* – именно так, с большой буквы, – и теперь наслаждалась, наблюдая беспомощные телодвижения вчерашних вершителей ее судьбы. Возможно, делать этого и не стоило, но, с другой стороны, все равно ведь насильно мил не будешь. Обольщаться не следовало, это они не для нее стараются, а для себя, любимых.

Однако, как известно, кто ищет, тот и находит, и, в конце концов, лазейка в системе Лизиной обороны нашлась. В начале пятого к ней «заглянула на огонек» соседка с девятого этажа Ксения Раевская. Взбалмошная и несколько экзальтированная по природе, она пощebetала минут пять, явно тяготясь своей миссией и попросту стесняясь перейти к делу, ради которого, собственно, и пришла. Но затем все-таки решилась и, заранее извинившись за все и сразу, попросила Лизу спуститься с ней в квартиру Раевских.

– Всего на пять минут! – сделала она жалостливые глаза. – Алексей очень просил.

Алексей Денисович Раевский служил в военном министерстве, так что смысл просьбы был более чем понятен. Впрочем, Лиза решила не отказывать. Ей стало любопытно, кто и с какими предложениями ожидал ее на девятом этаже. И, следует сказать, она не разочаровалась. В гостиной Раевских у застекленной балконной двери стоял высокий брюнет с седыми висками и красивым равнодушным лицом. Глеб Егорович Черемисов – кабинет-секретарь, сиречь глава великокняжеской администрации.

«Эк вас! Все бесы встрепнулись!»

– Здравствуйте, Елизавета Аркадиевна! – шагнул к ней Черемисов, едва Лиза вошла в дверь.

– Не хочу показаться невежливой, Глеб Егорович, но я вам randevu не назначала! – резко ответила на его приветствие Лиза. Она коротко поклонилась – всего лишь незначительное движение головой – и, развернувшись, пошла прочь.

– Постойте! – крикнул ей в спину кабинет-секретарь, сразу же растеряв большую часть своей хваленной невозмутимости. – Прошу вас, Елизавета Аркадиевна! Это не я!

– А кто? – спросила Лиза, глянув через плечо, хотя и знала ответ.

– Вас приглашает Василий Андреевич, лично, приватно и со всем уважением.

– Приглашает куда? – поинтересовалась Лиза, прервавшая по такому случаю свое неумолимое движение на выход.

– В великокняжеский дворец или в летнюю резиденцию, по вашему выбору, – быстро, боясь, верно, упустить свой шанс, сообщил кабинет-секретарь.

И то сказать, у его патрона выборы на носу, а тут, как назло, такой вопиющий афронт!

– Когда?

– В двадцать три часа ровно, вас устроит?

– Хорошо, – согласилась Лиза, – сегодня в двадцать три часа в великокняжеском дворце.

– За вами придет машина...

И не вздумайте! – остановила собеседника Лиза. – Я приеду на своем локомотиве. Скажите только куда.

– К Иенским воротам, – тяжело вздохнув, согласился с неизбежным кабинет-секретарь.

– Я там буду! Прощайте! – и Лиза продолжила свой путь.

* * *

Времени до встречи с великим князем оставалось более чем достаточно, и Лиза решила, что стоит пока совершить следующий никем не просчитанный шаг. Дело в том, что еще утром, пока репортеры не успели засесть у входа в дом Корзухина, Лиза съездила на Центральный телеграф и позвонила в Эдинбург матери своего бывшего то ли любовника, то ли жениха. Миссис Паганель ее звонку удивилась, но при этом, как ни странно, обрадовалась. Сказала, что читала в газетах об экспедиции в Лемурию, и добавила, что очень жалеет о разрыве их с Джейкобом отношений.

– Лучшей жены он уже никогда не найдет! – заявила она безапелляционно.

– Не думаю, что вы правы, сударыня! – возразила ей Лиза. – Ну, какая из меня жена? Ни готовить, ни подчиняться не умею. Одни хлопоты!

– Готовить должна кухарка, – внесла ясность миссис Паганель, – а для подчинения существуют специальные женщины, я думаю, вы понимаете, о ком идет речь. А жена должна соответствовать! Вот вы, Елизавета, как раз и соответствуете! Но чего уж там! Снявши голову, по волосам не плачут. Чем могу быть полезна?

Ну, пользы от нее и раньше было немного, во всяком случае, для Лизы, – но ей всего и нужно было, что выяснить, где теперь обретается профессор Паганель. А обретался он, как выяснилось, в своей лондонской квартире и в это время суток должен был все еще крепко спать и, возможно даже не один. Это в экспедициях Джейкоб Паганель поднимался ни свет ни заря, как и положено, впрочем, отважному естествоиспытателю, а дома – в Лондоне – он вел светскую жизнь, что подразумевало совсем другой режим дня и другие бытовые привычки. Поэтому, наскоро обдумав варианты, телефонировать ему Лиза не стала, оставив разговор с франко-шотландцем на десерт. И вот теперь время пришло.

Учитывая разницу в часовых поясах, время в Лондоне едва перевалило за полдень. Так что одно из двух: либо ее бывший все еще спал, либо проснулся и пил утренний кофе.

- Здравствуй, Яша! – поздоровалась Лиза, когда Паганель взял трубку. – Не помешала?
- Ничуть! – сразу же ответил Джейкоб Паганель. – Рад тебя слышать, Лиза. В утренних газетах пишут, ты привезла из Лемурии клад богаче ярубского. Это так?
- Да, Яша, мы привезли клад. Лучшие экспонаты выставят в конце следующего месяца на аукцион в Венеции. Так что, если будет желание, приезжай, там действительно есть на что посмотреть. Один дракон чего стоит!
- Дракон или все-таки кто-нибудь вроде птеродактиля?
- Уж поверь, я знаю, о чем говорю. Именно дракон. Саблезуба мы, к слову, тоже привезли и не одного.
- Звучит заманчиво! Ты там будешь? – как бы без задней мысли спросил Паганель.
- Нет, – честно ответила Лиза. – Скорее всего, нет. Но раз ты читал о сокровищах Лемурии, то, наверно, знаешь и о том, что я уезжаю в Техас.
- А ты уезжаешь?
- Да, я уезжаю.
- Снова на войну...
- Не обижайся, Яша, но тебе этого не понять.
- Да нет, отчего же? – возразил профессор Паганель. – Я знаю систему твоих доказательств по аналогии. Раз мне не надоедает путешествовать по опасным местам, отчего бы и тебе не испытывать страха перед военными действиями? Довод безупречный, но...
- Но такая реальность не уживается с твоим мировоззрением, – закончила за него Лиза.
- Да, это так, – признал Паганель. – Умом понимаю, но сердце... Вернее, воспитание и убеждения противятся. Безумие какое-то!
- Оставь, Яша! – предложила тогда Лиза. – Ничего с этим не поделаешь! Один из нас должен был себя ломать под другого, но порода у нас с тобой не та, чтобы прогибаться. Я это так формулирую.
- Вероятно, ты права. Но ты ведь не за этим позвонила. Чем могу быть полезен?
- Ты все еще встречаешься с виконтом Уинчестером?
- Любопытно... – начал было Паганель озвучивать какую-то свою не до конца понятную Лизе мысль, но не закончил, прервав себя, что называется, на полуслове.
- Да, встречаюсь, – подтвердил он. – Как раз сегодня вечером в клубе.
- Ты мог бы сделать кое-что для меня?
- Разумеется!
- Отлично! – обрадовалась Лиза. – Спроси его, будь добр, остается ли все еще в силе наше джентльменское соглашение?
- А вы что, заключили соглашение? – удивился ее бывший, так и не успевший привыкнуть к уровню ее притязаний.
- Да, Яков, заключили, – подтвердила Лиза специально для тех, кто прослушивал ее телефон. – В сентябре прошлого года во дворце короля Нидерландов.
- Вы встречались лично? – еще больше удивился Паганель.
- Нам организовали встречу во дворце во время приема. Так ты согласишься?
- Да, – подтвердил профессор. – Разумеется! Перезвони мне часа в два ночи, я как раз вернусь домой...
- Твои два часа ночи, Яша, – усмехнулась Лиза, пять часов утра в Шлиссельбурге. Так что давай я тебе позвоню завтра в это же время. Идет?
- О, да! Конечно же! Завтра в это же время!

* * *

Великий князь принял Лизу в просторной, элегантно, но на современный лад – то есть в стиле арт-деко – оформленной и обставленной гостиной. Кофейный столик на гнутых ножках был сервирован на троих. Столик, три стула с высокими спинками и двое мужчин, ожидавших Лизу недалеко от двустворчатых дверей: князь Ижорский собственной персоной и небезызвестный адмирал Ксенофонтов, исполнявший ныне обязанности первого заместителя главкома Флота.

– Добрый вечер, Елизавета Аркадиевна! – улыбнулся ей великий князь и сделал шаг вперед, протягивая руку. Примите мои искренние сожаления по поводу обстоятельств, предшествовавших нашей встрече! Надеюсь, присутствие Андрея Мартыновича вам понятно и не вызовет возражений.

– Доброй ночи, господа! Мне все понятно, ваше превосходительство, но хотелось бы напомнить, что в последнюю нашу с адмиралом Ксенофонтовым встречу на меня было совершено покушение агентом британской разведки.

– Флот был к этому непричастен! – твердо, а главное, ничуть не сдукавив, возразил адмирал.

«Ну, разумеется, не причастен! Но поглумиться-то я имею право?»

– Ладно, – снизошла Лиза, пришедшая, на самом деле, мириться, а не собачиться, – присутствуйте! Я не против. Что же касается обстоятельств, то я и сейчас не понимаю, зачем все это было нужно. Я не настолько крупная фигура, чтобы огород городить. Какая-то вычурная византийщина, не находите?

– Нахожу! – кивнул князь. И в самом деле, перестарались. Как говорится, пошли дурака богу молиться! А мне теперь расхлебывать! Но что же мы стоим? Прошу за стол, господа! Чай, кофе, коньяк... – кивнул он на сервировочный столик, уставленный бутылками, заварными чайниками и кофейниками.

– На любой вкус, – объяснил он Лизе, недоуменно взиравшей на это изобилие. – Я, знаете ли, предпочитаю китайский жасминовый чай, но, не зная ваших с адмиралом предпочтений, приказал заварить также черный китайский и цейлонский чаи. И два варианта кофе: йеменский и бразильский. Мы ведь можем обойтись без слуг?

– Вполне! – кивнула Лиза и, первой подойдя к столику, налила себе чашку ароматного бразильского кофе и плеснула в бокал немного коньяка. – Здесь можно курить?

– Да, разумеется! Пепельница на столе.

– Благодарю вас! – Лиза заняла один из стульев и, пока рассаживались ее собеседники, выложив на стол рядом с пепельницей портсигар и зажигалку, закурила.

– Я вся внимание! – сказала, выдохнув дым.

– Полагаю, обойдемся без преамбул? – спросил великий князь.

– Лично я вполне могу обойтись, – не стала возражать Лиза.

– Тогда к делу! – кивнул князь. – Начнем с того, что можем предложить мы.

– Начинайте! – усмехнулась Лиза, переживавшая очевидное дежавю.

Все это уже случилось с ней однажды, пусть и не на уровне главы государства. Тогда ей тоже предлагали отступного, правда, в конечном счете ничего не дали. Или сама не взяла? Трудно сказать.

– Первое и главное, правительство и руководство Флота приносят вам, баронесса, свои искренние извинения за возникшее между нами недопонимание и официально разрешают вам присоединиться к армии республики Техас сроком на один год.

– Весьма великодушно с вашей стороны! – не без иронии прокомментировала Лиза слова князя.

И в самом деле, уважили! Разрешили! А зачем, спрашивается, она им всем тогда – сразу после приезда – названивала? Как раз за этим и пыталась связаться. Чтобы, значит, спросить высочайшего дозволения, и так далее, и тому подобное.

– Письмо за моей подписью и решение, подписанное военным министром и наибольшим боярином Адмиралтейства, удовлетворят ваш скепсис? – «дружески» улыбнулся великий князь.

«Официальные бумаги? Это что-то новое!»

– Да, вполне! – кивнула Лиза. – Это все?

– Нет, разумеется, – покачал головой глава Республики Себерия. – Если бы не обманули вас в первый раз, не пришлось бы мне нынче с вами объясняться. Впрочем, чего уж теперь! Позвольте, Елизавета Аркадиевна задать вам два вопроса, связанных с продолжением нашего разговора?

– Попробуйте! – предложила Лиза, пригубив коньяк.

Коньяк был безупречен, но она в этом и не сомневалась – князь Ижорский не напрасно слыл сибаритом. Имелись к тому основания.

– Вы заключили соглашение с адмиралом Диспенсером. Какое?

– Слушаете мой телефон?

– Больше не будем.

– И я должна вам верить? – подняла бровь Лиза.

– Гарантии Верховного суда вас устроят?

«Даже так?!»

– Да, – кивнула она. – Такие гарантии меня устроят.

– Тогда вернемся к соглашению, – предложил князь.

«Почему бы и нет?»

– Мы договорились, – объяснила Лиза, допив коньяк, – что до тех пор, пока англичане не попытаются меня убить, адмирал Диспенсер и его отец могут чувствовать себя в безопасности.

– И он согласился? – подался вперед адмирал Ксенофонов, до этого момента хранивший полное молчание.

– Он был инициатором встречи и первым обрисовал условия соглашения.

– Благодарю вас, баронесса, – кивнул в знак понимания неозвученного подтекста князь Ижорский. – Еще один вопрос. Техасцы назвали должность, на которую вас пригласили или только предложили звание?

– Да, назвали, – улыбнулась Лиза, довольная тем, что вопрос все-таки прозвучал. – Речь идет об авианосце «Рио-Гранде» и кораблях сопровождения.

– «Рио-Гранде»? – обернулся великий князь к адмиралу Ксенофонову.

– Новая авиаматка североамериканской постройки, – прокомментировал известие адмирал, голос которого ощутимо дрогнул. – На данный момент самая большая в мире. Авиакрыло насчитывает от ста десяти до ста двадцати бортов. А группа сопровождения... В принципе, речь идет о тяжелой эскадре. От пятнадцати до двадцати вымпелов, включая тяжелые крейсера. Что-то вроде ударной эскадры вице-адмирала Мартынова.

– Чем дальше в лес, тем больше дров! – меланхолично заметил князь, закуривая. – Спасибо, Елизавета Аркадиевна, что хоть об этом умолчали. Мог случиться скандал!

«А сейчас, стало быть, скандала нет?»

– Я хочу видеть письма об отставке адмиралов Кондратьева и Веселовского, – снова обернулся к заместителю главкома «гарант конституции», – а вице-канцлера я с удовольствием уволю сам! Экие, прости, господа, бестолочи! Чуть нас всех в дерьмо не макнули.

– Хорошо, – кивнул адмирал, – Кирилл Николаевич и Борис Иванович подадут в отставку немедленно.

– Э... – поморщилась Лиза, – полагаете, эти двое самые виноватые?

– Не хотите сжигать все мосты? – сразу же отреагировал великий князь, похоже, чего-то в этом роде он от Лизы и ожидал.

– Ну, не дура же я, – пожала плечами она и налила себе еще немного коньяка. – Мне в этой стране жить и, не приведи, конечно, господи, но, если случится война, то и служить.

– Признаться, не ожидал от вас такой умеренности, – благосклонно кивнул великий князь.

– Если честно, я и сама удивлена.

– Елизавета Аркадиевна, – князь Ижорский бросил быстрый взгляд на адмирала и снова посмотрел на Лизу, – завтра в полдень у меня назначена пресс-конференция в связи с выдвижением моей кандидатуры на новый срок. Я бы хотел, среди прочего, дать разъяснения и по поводу вашего отъезда в Техас. Полагаю, уместной может быть формулировка...

«И это все?!»

Честно говоря, она ожидала большего, а ей, по сути, ничего толком не предложили. Ни в качестве компенсации, ни как утешительный приз. Вообще ничего, если не считать формального разрешения, служить в Техасе. Даже попытки не сделали, как в прошлый раз, когда обещали золотые горы, княжеский титул и звание адмирала. И, получается, ехала она на эту встречу зря. И не потому, что не откупились, а потому что даже не посчитали нужным подумать об отступном.

«Вот только начнешь относиться к *ним*, как к людям, – подумала Лиза, наливаясь гневом, – а *они* все равно все изгадят!»

По-видимому, чувство брезгливости, превалировавшее сейчас в душе Лизы, – гнев и обида еще не достигли необходимого градуса, – нечаянно отразилось на ее лице. Великий князь сбился с мысли, два раза повторив слово «формулировка», и замолчал. Молчала и Лиза. Ей не хотелось устраивать сцену, но и сказать было нечего. Не материться же, в самом деле! И уж тем более, не собиралась она торговаться.

«Господи, прости! Какая же я наивная дура!»

– Кажется, я сделал что-то не так, – сказал, наконец, великий князь.

– Отчего же, – пожала плечами Лиза, делая над собой усилие, чтобы не сорваться. – Вы все делаете правильно, ваше превосходительство. Приятно было поболтать!

Она улыбнулась и, встав из-за стола, направилась к выходу.

– Спокойной ночи, господа! – обернулась на мгновение, открывая дверь.

И пошла дальше. Великий князь окликнул ее, предлагая остановиться и выслушать, что еще он намерен ей сказать, но Лиза была непреклонна.

– Время позднее! – сказала она догнавшему ее адмиралу Ксенофонтову. – Мне пора спать.

Посмотрела на адмирала, вздохнула, но все-таки нашла в себе силы улыбнуться.

– Извините, Андрей Мартынович, но нам с вами фатально не везет. Второй раз встречаемся, и второй раз выходит конфуз!

Глава 2

На перепутье судьбы

Март 1933 года

1. Шлиссельбург, Себерия, двадцать девятое марта 1933 года

Дома, на Смолянке, ее ожидала теплая компания в составе Рощина, Марии и супругов Берг.

– Ну? – спросил Рощин, едва она переступила порог.

– Э!.. – ответила Лиза, неопределенно покрутив в воздухе пальцами.

– Ну, я где-то так и думал! – кивнул полковник.

– Великий князь тот еще шельмец! – оскалился братец Гриня. – К тому же жадный, сукин сын.

– Забей! – посоветовала Мария.

– Все к столу! – позвала Полина, оставив комментарии другим.

Оказывается, к Лизину приходу в столовой накрыли стол, предполагая, что либо будет ликование, либо тризна.

– Со щитом или на щите, – прокомментировал с обычным для него цинизмом полковник Берг.

– Я бы не стала оценивать ситуацию столь драматически, – парировала Лиза. – Возможно, что и без щита, но точно не на нем!

На самом деле, она не знала даже, хочется ли ей сейчас сидеть за столом, шутить, говорить... Или лучше было бы остаться одной? Вот выпить ей действительно не помешало бы. Еще лучше – напиться.

«Это же надо быть такой простофилей! Господи, Боже мой! Как сказать в женском роде глупец? А олух?»

Ей было скверно. Противно. Но хуже всего оказалось унижение. И унизили ее, как ни странно, не великий князь и не адмирал Ксенофонтов. Она сама себя унизила, когда, поступившись достоинством, пошла сначала в квартиру Раевских, а потом во дворец великого князя.

«Сама пришла!»

Зачем? Затем, что надеялась, что *эти люди* предложат ей способ выйти из конфликта с наименьшими потерями. Не хотела воевать! Была готова на компромисс. Предполагала, что *эти люди* поймут и оценят ее «жест доброй воли». Но то, с какой легкостью князь Ижорский оказался готов принять ее жертву, открыло Лизе глаза. Она никто для них. Расходный материал. Сопутствующие потери.

«Ублюдки! – думала она, рассматривая в обратной перспективе события последних полутора лет. Но и я хороша, простушка хренова! Пейзанка, твою ж мать!»

Боже, как она была счастлива, когда ее вернули в строй! Как гордилась уважением заслуженных адмиралов.

«А им нужна была всего лишь самоубийца для прорыва польской зоны ПВО. Пушечное мясо, вот что им требовалось!»

И потом...

«Господи, прости! Я что, могла поверить в их искренность, когда они доверили мне авианосную группу?!»

Наверняка у них тогда имелись резоны, никакого отношения не имеющие к объективной оценке Лизиних способностей.

«Дали, отняли, и вся недолга...»

– Мы ждем еще кого-то? – спросила вслух, преодолевая охватившее ее отчаяние. Она еще раньше обратила внимание на то, что стол накрыт на семерых, тогда как их собралось всего пятеро. Она по-прежнему могла делать два дела сразу: быть с людьми и оставаться один на один с самой собой.

– Клава и Надя в пути, – объяснила Мария и подозрительно прищурилась. Должно быть, что-то заметила. У нее ведь интуиция, как детектор лжи или рентген!

– Хм... – сказала тогда вслух Лиза, решив, наконец, что и как станет теперь делать. – Возможно, мы все-таки кое-что отпразднуем! Вадим, будь добр, налей мне водки!

Она окинула стол испытующим взглядом и поняла, что в выборе не ошиблась. Водка не только соответствовала состоянию души, но и лучшим образом подходила к закускам.

– У Шергина брали? – уточнила, кивнув на фирменную шергинскую кулебяку и на блюдо с не менее фирменными расстегаями.

– Мы решили не заморачиваться, – улыбнулся Роцин, все еще не уловивший «нерв» момента.

– И правильно сделали! – кивнула Лиза и, ничего никому не объяснив, направилась в спальню.

– Ты куда? – удивилась Полина.

– Я мигом! – ответила Лиза, ускоряя шаг.

Она быстро прошла в спальню и оттуда в кабинет. Отперла сейф и достала сафьяновую коробочку, которую прятала от Роцина еще с Роттердама. Сунув футляр в карман жакета, Лиза вернулась в столовую и только успела опрокинуть пятьдесят граммов холодной – только-только из ледника – водки, как приехали Надя и Клава, и пришло время тостовать.

– Чур, я первая! – встала она со стула. – У меня, возможно, и не тост, но уж точно оправдание застолья.

– Присутствующие знают, – сказала она, достав из кармана коробочку, но никому ее пока не показывая, что мы с Роциным собирались на днях пожениться. Однако обстоятельства сложились таким образом, что сделать это официально мы пока не можем. Надеюсь, все всё понимают. Тебя это, Вадим, тоже касается. Тем не менее и оставлять такое дело на произвол судьбы считаю неправильным, тем более отправляясь на войну. Поэтому! Ну-ка, Гриня, встал!

– Зачем? – подозрительно прищурившись, спросил полковник Берг, но все-таки из-за стола встал.

– Ты командир полка и как таковой имеешь право объявить двух военнослужащих мужем и женой.

– По уставу, только если...

– Гриня!

– Ну, бог с тобой, Веточка! – Гриня, похоже, понял ее с полуслова и решил не нарываться. – Давай, Роцин, вставай! Окручу вас, так и быть!

– А кольца? – вмешалась Полина. – Как же без колец?

– Ну, отчего же без колец! – победно усмехнулась Лиза и открыла футляр, который до этого прятала под столом. Прости, Вадим, что взяла инициативу на себя, но поскольку я причина всей этой катавасии, мне и отвечать.

Кольца она купила в Роттердаме, имея в виду куда менее драматические обстоятельства. Купила еще и потому, что Роцин ей кольцо уже подарил, но с таким рубином на пальце воевать казалось не только неудобно, но и неприлично. А эти кольца показались вполне подходящими случаю. Ничего особенного, гладкие и не особо толстые. Всего лишь два серебристых ободка, что весьма удобно для офицеров на службе. И материал вполне соответствовал случаю. Кольца-то платиновые, не абы как!

2. Шлиссельбург, Себерия, тридцатое марта 1933 года

Утром проснулась поздно, но все-таки первой. Рошин, продемонстрировавший ночью не иначе, как по пьяному делу – настоящий подвиг страсти, утомился и спал, как дитя. Лиза полюбовалась немного на строгий профиль «настоящего полковника», на его мускулистые плечи и спину, на сильные кисти рук, вздохнула, вспомнив о скором расставании, и, набросив халат, пошла на кухню. Сначала хотела принять душ, но потом передумала, решив начать день с чашки крепкого кофе.

Было без четверти одиннадцать, но, учитывая, что «тризна» затянулась едва ли не до четырех утра, удивляться сонной тишине, в которой пребывала ее роскошная квартира, не приходилось. Участники ночного застолья, как, впрочем, и хозяйева, устали за прошедший день, да и нанервничались не по-детски, крепко выпили, плотно закусив, и спали теперь, разойдясь по гостевым спальням, благо Лизины апартаменты способны были вместить и большее число гостей.

Однако, как оказалось, спали не все. На кухне пахло свежесваренным кофе и папиросным дымом, а за столом сидел Григорий Берг и с явным интересом слушал новости на немецком языке. Радиоприемник по такому случаю был перенесен на кухонный стол, там же обрелся и телефонный аппарат, как по заказу подавший голос как раз в тот момент, когда Лиза вошла в кухню.

– Бери кофе! – кивнул Григорий на плиту и снял трубку. – Резиденция баронессы... Ах, это ты, Ефимий! Нет, спасибо! Ничего не надо! Что? Серьезно? Кто видел? Кривунов? Тогда согласен. Но ты учти, Фима, могут счесть за фронду. Насрать-то насрать, но иди знай, кому какая вожжа потом под хвост прилетит! Ну, я тебя предупредил.

– Люди тебя, Лизка, уважают, – сказал, вернув трубку на рычаги телефонного аппарата. – Некоторые даже любят.

Он отхлебнул из чашки и, достав из коробки папиросу, повернулся к Лизе.

– Будешь?

– Давай! Ты тут давно?

– С восьми утра.

– Что так рано? – спросила Лиза, закуривая.

– Телефонный звонок разбудил, – объяснил Григорий и тоже закурил. – Что, не слышала?

– Нет.

– Ну, в общем, перенес я аппарат сюда, оборудовал позицию, включил радио и засел в секрете!

– А кто звонил-то?

– Разные люди... Бери кофе, садись, и я все тебе расскажу!

Как ни странно, сейчас Гриня выглядел вполне вменяемым и говорил как нормальный человек, что, как понимала Лиза, было для него отнюдь не нормально.

В восемь утра звонил кабинет-секретарь Черемисов. Говорит, думал, скотина, что ты уже встала. Совсем оборзел, сатрап!

– Сказал, чего хочет?

– Отчего не сказать, – дернул губой Григорий, изобразив свою коронную вурдалачью ухмылку. – Там, говорит, у вас с Самим недоразумение вышло. Недопонимание и еще сорок слов, начинающихся с частицы «не» или приставки «недо». То есть князь не то хотел сказать, не так и не в тот момент. Ну, ты понимаешь!

– Я понимаю, – подтвердила Лиза. – Чего конкретно он добивался?

– Просил о встрече, чтобы, значит, объясниться и «передать кое-что из рук в руки». Это цитата.

– На чем порешили?

– Я предложил ему извиниться публично и это его «кое-что» передать из рук в руки в торжественной обстановке.

– Что он тебе на это ответил? – поинтересовалась Лиза.

– Что не стоит рубить сук, на котором сидишь. Ну, я его по такому случаю и спросил, кого, дескать, имеете в виду? Меня или мою сестру?

– Гриня! – покачала головой Лиза. Я же просила, не лезьте в это говно. Ну, ладно я, мне деваться некуда, но вам-то зачем?

– Затем, что Бог есть, и он любовь! – осклабился единоутробный изверг.

– Гриня, – искренне ужаснулась Лиза, – а ты уверен, что пил вчера только водку?

Из дальнейшего разговора выяснилось, что, во-первых, с восьми утра и до сего момента телефонирали в дом Корзухина все кому не лень, начиная с кабинет-секретаря Черемисова и заканчивая родной Лизиной бабкой, неожиданно-негаданно вспомнившей о своей героической внучке именно сегодня в девятом часу утра. Впрочем, Елена Константиновна юлить не стала. Прямо сказала, что имеет передать Елизавете «послание чрезвычайной важности» от самого Василия Андреевича и что «воротить нос от таких предложений» негоже, не говоря уже о том, что свою выгоду в любом деле следует блюсти.

– Она хоть объяснила, о чем идет речь? – спросила заинтригованная Лиза.

– Старуху не знаешь? – удивленно поднял брови Григорий. – Ее хлебом не корми, дай только поинтриговать!

Итак, во-первых, были звонки по телефону. Хорошо хоть не во входную дверь. Хотя и до этого, по-видимому, дойдет, потому что, во-вторых, на Смолянке столпотворение вавилонское, в котором смешались репортеры и фотографы, жандармский и полицейский патрули, «любопытные варвары», а теперь до кучи и господа добровольцы.

– Какие добровольцы? – не поняла Лиза.

– Обычные, – пожал плечами Григорий. – Сиречь волонтеры. Оказывается, у нас в Себе-рии не забыли, кто к нам на войну помогать приезжал. Теперь, соответственно, «от нашего стола вашему».

– И много их? – полюбопытствовала Лиза, совершенно не представлявшая себе масштабов этого поветрия.

– Трудно сказать, но вот Фима Богров сейчас звонил, говорит, только из одного нашего полка семеро резервистов в Техас собрались.

Он кто, этот Богров?

– Военно-учетная специальность – командир роты усиления.

– Поручик, штабс-капитан?

– Капитан.

– Безумие какое-то, – покачала головой Лиза. Ей все еще не верилось, что все это происходит с ней и на самом деле.

– Боюсь, это только начало... – хмыкнул Григорий.

– Тогда излагай, не томи! – хмуро буркнула Лиза, доливая себе в чашку кофе. – Что там у тебя в-третьих?

– В-третьих, как я понимаю, наступил Армагеддон! – пожал плечами полковник Берг. – Мне, кстати, можешь тоже подлить!

– В каком смысле Армагеддон? – Лиза подхватила кофейник и, развернувшись, наполнила чашку еще и единоутробному.

– В прямом.

– Слушай, Гриня, – возмутилась Лиза, – перестань интриговать! Мне что теперь, из тебя это «третье» клещами выдирать придется?

– Остынь, Лиза! – осклабился Живоглот, прозванный так в детстве за съеденную без перца и соли живую на тот момент лягушку. – Пруссакки передали в девять часов утра, что их специальный корреспондент в Питтсбурге еще вчера выяснил: командовать авиаматкой «Рио-Гранде» будет какая-то женщина и как бы даже иностранка. Ну, они не дураки, там, в Берлине,

сопоставили эту информацию с тем, что передает Рейтерс, сложили два плюс два и с первой попытки догадались, кто бы это мог быть. Так открытым текстом и сказали, а у нас, стало быть, услышали. В общем, в десятичасовых новостях передали, что выступление Василия Андреевича в Городской управе перенесено с сегодняшнего полдня на завтрашний вечер. Каково?

* * *

– Лиза? – Мария смотрела вопросительно, словно сомневалась, стоит ли вообще начинать разговор, и, если – да, то сейчас или все-таки попозже, когда адмирал Браге вернется из своего «далека».

– Извини, Маша! – тряхнула головой Лиза. – Извини! Задумалась...

– С тобой можно поговорить на серьезную тему, или сейчас не стоит?

Вопрос по существу. Верный, одним словом, вопрос, потому что, похоже, на этот раз Лиза дала-таки слабину.

– Извини! – повторила она. – Разумеется! Что-то случилось?

– Можно сказать и так. Я хочу попроситься поехать с тобой на войну.

«На войну? Мария?»

– Совсем с ума сошла? – вскинулась Лиза, окончательно приходя в себя.

– Нет, – улыбнулась Мария, – не сошла, даже на чуточку. Но мне понравилась эта идея. Подумала вчера о такой возможности... Почти случайно... И вдруг, знаешь как бывает? Поняла, что это именно то, чего я хочу в данный конкретный момент времени. Тебе ведь все равно нужен адъютант, денщик... кто-то, кто всегда будет рядом. Женщина в этом смысле всяко лучше мужчины, а знакомая женщина лучше незнакомой. К тому же стрелять я умею, в технике разбираюсь и языками владею именно теми, какими надо: английским и испанским. Чего тебе еще надо?

– А домой возвратиться не хочешь?

– Хочу, – кивнула Мария, – но не сейчас. Я там, Лиза, уже была. Три дня назад ночью ходила, и вчера снова. Там сейчас небезопасно, да и делать мне там пока нечего.

– Ты ходила в Ленинград, то есть, извини, в Петербург? – насторожилась Лиза, помнившая, чем кончились их с Рошиным и Марией похождения в славном городе трех революций и одной контрреволюции.

– Вообще-то в Париж, – поморщилась Мария, но мне и этого хватило. Поверь! Но нет худа без добра. Поговорила с людьми, которые в теме, проверила контакты, провела инвентаризацию и ревизию...

– И?... – поинтересовалась заинтригованная Лиза.

– Проживут и без меня, – пожала плечами Мария. – То есть без меня им пока будет даже спокойнее. В смысле безопаснее. И легавые, пока суд да дело, след потеряют. Так что нет, пока возвращаться не хочу.

– Ну, ладно тогда...

Лиза просто не нашла подходящих возражений. К тому же по большому счету с Марией ей будет много лучше, чем без нее. Да и авиаматка не крейсер, на ней куда спокойнее.

– Я там собрала кое-что нам в дорогу... – между тем продолжила свою мысль Мария.

– Что именно? – полюбопытствовала Лиза, доподлинно зная, что в далеком «завтра» есть много ценных и полезных вещей, но, увы, ничего из этого взять сюда, в этот мир, не представляется возможным. No Pasarán! Артефакты и анахронизмы не пройдут!

– Антибиотики...

«А что, неплохая мысль, только ведь и антибиотики – анахронизм!»

– У вас такого пока нет, но поверь, Лиза, эта штука незаменима при ранениях. Просто поверь! Это то, чем я тебя тогда обколола, когда...

– Я помню. А если кто-нибудь найдет?

– Ничего криминального, – подняла руку в успокаивающем жесте Мария. – Упаковки от лекарств я выбросила, таблетки теперь лежат в укупоренных аптекарских флаконах старого образца – я их купила по случаю у одного торговца антиквариатом. Он целый склад на давным-давно закрытой фабрике нашел. Выглядит аутентично и безобидно, а надписи я сделала на простых бумажных этикетках на латыни... Ну а на ампулах маркировка швейцарская. Написано все по-французски, попробуй пойми по этим надписям, что артефакт! Нужно только коробки для них подходящие найти...

– Ну, это-то не проблема! – отмахнулась Лиза. – Зайдем в аптекарскую лавку и купим какие-нибудь растворы в ампулах Пеля. Коробки у нас делают хорошие, и размер, насколько я помню, соответствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.